

Диана Уинн Джонс

Diana Wynne Jones

РЫЦАРЬ
НА ЗОЛОТОМ КОНЕ

Диана Уинн Джонс

Рыцарь на золотом коне

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6053632

Рыцарь на золотом коне: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;

2013

ISBN 978-5-389-06532-1

Аннотация

Полли забыла, все забыла... Пять долгих и удивительных лет дружбы с Томом, их переписку, истории, которые они сочиняли вместе и которые почему-то оказывались правдой, головокружительные приключения, встречи и разлуки, радости и обиды, угрозы его родных, настаивавших, чтобы они перестали встречаться... и то, как она сама согласилась забыть его. Но самое странное, об этом забыли все окружающие. Будто кто-то стер все, что было, вычеркнул из жизни Полли, подменил память скучной фальшивкой. Даже книга, которую Том подарил ей, загадочным образом преобразилась: одни рассказы исчезли, другие словно кто-то переписал. И лишь картина с пылающими цветами болиголова помогла ей вернуть свое истинное прошлое и понять, кто и почему сотворил это наваждение. Теперь Полли нужно спешить, чтобы перехитрить судьбу и вернуть Тома.

А началось все с того, что однажды в Хеллоуин Полли, нарушив строгий бабушкин запрет, пробралась в старинный особняк по соседству...

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	15
3	62
4	93
5	122
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Диана Уинн Джонс

Рыцарь на золотом коне

Fire and Hemlock by Diana Wynne Jones

Text copyright © Diana Wynne Jones 1985

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and

The Van Lear Agency

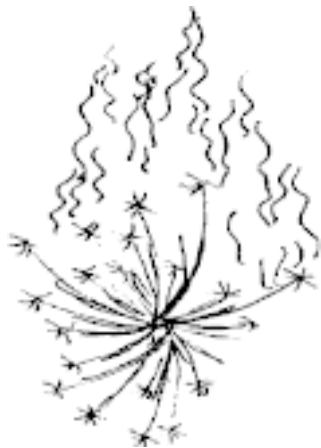
© А. Бродоцкая, перевод, 2013

© И. Горбунова, иллюстрации в тексте, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Лауре

Часть первая

Рождение Геро

Allegro vivace

1

*...Под вечер злого дня
С охоты ехал я без сил
И вдруг упал с коня...
Тэмлейн¹*

¹ Цитаты из баллады «Тэмлейн» приводятся в переводе М. Королевой, кроме особо оговоренных случаев.

Полли вздохнула и положила раскрытую книгу на кровать корешком кверху. Да, пожалуй, она ее все-таки читала когда-то давно. Она уже хотела спустить ноги на пол и снова приняться за сборы, но тут невольно посмотрела на картину над кроватью. И снова вздохнула. Бывали времена – несколько лет назад, – когда Полли глядела на эту картину и думала, будто нет на свете ничего чудеснее. Тогда в сумрачной дали возникали бегущие темные фигуры, могучие темные фигуры, – их было четыре, никак не меньше, и они спешили сбить огонь, полыхавший на переднем плане. Иногда они проступали четко-четко. А иногда скрывались в дыму. Случалось, было видно даже коня. А сейчас – нет.

Сейчас – здесь и сейчас – Полли видела перед собой всего лишь большую, три на два фута, цветную фотографию, запечатлевшую поле с горящими стогами сена в сумерках. Похоже, огонь набирал силу: в воздухе висел дым, он особенно густо клубился вокруг высокого болиголова на переднем плане, однако людей там и в помине не было. Оказывается, Полли принимала за людей темные кусты в живой изгороди за полосой пламени. Если на этом поле и была живая душа, то только сам фотограф. Он был человек талантливый, к тому же поймал очень удачный кадр, этого Полли не могла не признать. Снимок вышел запоминающийся. Назывался он «Болиголов в огне». Полли снова вздохнула и неохотно спустила ноги на пол. Вот она, расплата за взрослость: теперь даже на такой фотографии видишь только то, что там действительно есть. И вообще в любую секунду может войти бабушка, чтобы поторопить Полли, ведь мистер Перкс с Фионой не станут ждать до завтра, пока она тут копается.

И еще, конечно, отчитает, мол, опять сидишь с ногами на покрывале. К тому же Полли брала тоска при одной мысли о начале учебного года в колледже, и это ее злило и огорчало.

Полли с досадой хлопнула ладонью по книге. «Что же такое, лежу и лежу! А бабушка обязательно скажет: нельзя класть раскрытые книги корешком кверху, они от этого портятся. Бабушка, это же всего-навсего дешевая книжка в бумажной обложке. Называется „Незапамятные времена“, составитель – Л. Перри, сборник рассказов о потусторонних

явлениях». Года два назад Полли очень понравилась эта книга – в основном из-за картинки на обложке, которая чем-то напоминала «Болиголов в огне»: дымный сумрак и на фоне этого дыма темно-синее растение с зонтичными соцветиями. Да, тогда Полли прочитала все рассказы от начала до конца, это она помнила, и все они оказались средненькие. Тем не менее... была одна странность. Полли готова была дать честное слово: когда она купила сборник, название у него было другое. И один из рассказов точно назывался «Болиголов в огне» – или нет?..

Полли взяла книгу, заложив ее пальцем, чтобы не потерять место, где остановилась. Она как раз перечитывала рассказ под названием «Заново», про одного человека, который вернулся в прошлое, в собственное детство, и что-то там подправил, и от этого во второй раз жизнь пошла совсем по-другому. Теперь Полли вспомнила концовку. В результате у героя оказалось два набора воспоминаний, а рассказ попросту не получился. Тогда не жалко забыть страницу, решила Полли и пролистала книжку в поисках другого рассказа, того, который, как ей помнилось, назывался «Болиголов в огне». Удивительно, но в книге его не оказалось. Приснился он ей, что ли? Полли часто снились настолько яркие сны, что их трудно было отличить от яви. Потом стало еще удивительнее. Из книги пропала добрая половина рассказов – Полли определенно читала их в прошлый раз, и при этом она совершенно точно читала все рассказы, что были в книге сей-

час. На миг она едва не почувствовала себя героем рассказа «Заново», у которого было два набора воспоминаний. Ну и подробный же сон ей приснился, с ума сойти можно! Полли снова разыскала это место в книге – ей помогло то, что корешок здесь переломился и страницы выпадали, – и хотела опять положить раскрытую книжку на смятое покрывало обложкой вверх, но одернула себя.

Кто ей запрещал так обращаться с книгами – бабушка или кто-то другой? Ведь бабушка не большая охотница до чтения.

– С чего я вообще разволновалась? – вслух спросила Полли. – И где вторая фотография, та, которую я украла?

Ее охватило лихорадочное чувство потери – навалилось с неодолимой силой, даже слезы на глаза навернулись. Откуда у нее вдруг взялись воспоминания, не имеющие отношения к фактам?

– Предположим, когда-то это были факты, – сказала себе Полли, так и не выпустив книгу из рук.

Она с детства любила строить всякие предположения, а потом делать из них далеко идущие выводы. Вытравить эту привычку не удалось и к девятнадцати годам.

– Предположим, – продолжала Полли, – я действительно вроде героя этого рассказа и случилось что-то такое, отчего мое прошлое стало другим...

Вообще-то, все эти логические выкладки Полли затеяла ради того, чтобы отвлечься и успокоиться: она хотела загнать

поглубже непонятную беспричинную тревогу, которая все тлела и разгоралась. Но тут в самой гуще тревоги вспыхнул огонек убежденности. Прямо как те четыре – или больше – фигуры на фотографии, что вдруг возникали за стеной пламени. Полли подняла глаза, будто рассчитывала увидеть их и сейчас. Нет, на снимке были просто кусты в живой изгороди, немного похожие на людей. Огонек убежденности тоже потух. Однако он оставил в душе Полли смутное, но неотвязное подозрение: да, в прошлом и правда что-то изменилось, а все потому, что сама Полли совершила какой-то ужасный проступок.

Только вот выяснить, что именно изменилось, видимо, невозможно. Прошрое Полли представлялось плавной чередой полузабытых, ничем не примечательных событий: школа и дом, радости и неприятности, друзья и развлечения, – а еще почему-то замаячило воспоминание о том, как она пила чай с поджаренными на огне гренками, с которых капало масло. Кроме несуразицы с книгой, не было ни одной зацепки, ни малейшего намека на что-то необычное.

– Ничего не случилось, вот и вспоминать нечего, – сказала себе Полли, стараясь настроиться на философский лад. – Нельзя же найти зацепку, если ее нигде нет!

Эта мысль почему-то напугала ее. Полли сжалась в комочек, придерживая книгу повлажневшей ладонью и позабыв, что грязные туфли пачкают покрывало, а на полу стоят открытые чемоданы, и принялась перебирать свои удручающе

заурядные воспоминания: городок в Котсуолде, Лондон, почему-то ярмарочные палатки, потом конь...

– Ерунда! Не знаю я никаких коней! – воскликнула Полли. – Нет, так дела не делаются. Надо вернуться туда, где все еще не началось или, наоборот, началось, и оттуда идти.

Сколько ей тогда было? Десять? Чем она тогда занималась? С кем дружила?

С кем дружила... Вот! Из глубин девятилетней давности выплыло лицо Нины – некогда лучшей подруги Полли. Толстушка и глупышка Нина. Бабушка прозвала Нину перезрелым бананчиком. А Полли так обожала Нину, что ни за что не хотела ехать без нее в тот первый раз к бабушке, и та согласилась взять к себе обеих. Наверное, это было примерно тогда же, когда родители Полли впервые заговорили о разводе. И когда Полли зачитывалась толстой книгой под названием «Герои», еще бабушкиной.

Тут Полли подняла голову. – Похороны! – ахнула она.

2

*Вы все, чей шелком шит подол,
А косы – льна светлей,
Не смейте бегать в Картерхолл —
Там молодой Тэмлейн.*

Тэмлейн

В то время те, кто плохо знал Полли, могли подумать, будто она выбрала Нину себе в подруги, чтобы выгодно смотреться на ее фоне. Нина была рослая толстушка в очках, с короткими кудряшками и привычкой хохотать взахлеб. А Полли, наоборот, хорошенькая и миниатюрная, а больше всего ее красили роскошные длинные светлые волосы. На самом же деле Полли отчаянно завидовала Нине – и ее внешности, и повадкам отважной девчонки-сорванца. В те дни Полли старалась съесть по пачке печенья в день, лишь бы растолстеть, как Нина. И усердно, часами терла глаза, мечтая заработать себе очки – или, по крайней мере, добиться, чтобы глаза стали заплывшими, красными и мутноватыми, как у Нины без очков. Когда мама не разрешила Полли коротко подстричься, как Нина, Полли долго плакала. Она терпеть не могла свои волосы. В первое же утро у бабушки она с особым удовольствием забыла их расчесать.

Забыть было нетрудно. Полли с Ниной в бабушкиной гостиной комнате полночи не спали, болтали и смеялись. Их

распирало от восторга. Полли ужасно радовалась, что наконец-то сбежала подальше от яростных родительских перепалок шепотом и напряженного молчания, в которое погружались мама с папой, едва завидев Полли. Похоже, они не понимали, что Полли, как всякий нормальный человек, в состоянии отличить войну от мира. Полли была счастлива, что можно пожить с бабушкой: ведь у бабушки так спокойно. А безумные дурацкие шутки Нины радовали Полли еще сильнее – и ничего, что наутро Полли нипочем не могла проснуться. Весь первый день у бабушки она провела словно во сне.

Это был ветреный осенний день. Листья в бабушкином саду облетали с деревьев и кружились в воздухе. Девочки носились по саду и ловили их. Нина провизжала, мол, каждый пойманный лист – это счастливый день. Полли поймала всего семь. Нина – тридцать пять.

– Однако же целая неделя. Надо ценить то, что есть, – по обыкновению суховато сказала бабушка, когда они, запыхавшись, ворвались в дом показать ей добычу.

Она дала им молока с печеньем. Бабушка и сама всегда напоминала Полли печенье. В ней было что-то хрусткое и суховатое – пока не распробуешь, зато потом раскрывается вкус. И в кухне у бабушки всегда пахло печеньем, веяло орехово-масляным ароматом, какого никогда не бывало в других кухнях.

Пока Полли упивалась ароматом, Нина вспомнила: сего-

дня Хеллоуин! Она постановила, что им с Полли необходимо нарядиться верховными жрицами, и потребовала найти длинные черные балахоны.

– С нашей Ниной не соскучишься, – заметила бабушка и отправилась искать подходящие наряды.

Вернулась она с двумя старыми черными платьями и темными занавесками. Лениво и без особого пыла помогла Нине и Полли одеться. А потом выставила их за дверь.

– Идите покрасуйтесь перед соседями, – велела она. – Пусть встряхнутся.

Некоторое время Нина и Полли горделиво расхаживали по улице туда-сюда. Больше всего на свете Нина напоминала толстую, как бочка, монашку, а платье обтягивало ей колени. Зато на Полли платье сидело хорошо, разве что было длинновато. Соседи их, похоже, не оценили. Здешние дома – кроме нескольких маленьких, вроде бабушкиного, – были большие и стояли далеко от дороги, отгороженные деревьями, растущими вдоль улицы, и поглядеть на верховных жриц никто не вышел, хотя Нина хохотала, визжала и вскрикивала всякий раз, когда ее тюрбан сдувало ветром. Они прошествовали к большому особняку, в который упиралась улица, и заглянули через решетчатые ворота во двор. Особняк назывался Хансдон-хаус – это было высечено на каменных колоннах по обеим сторонам ворот. Внутри Нина и Полли увидели длинную подъездную дорожку, заваленную опавшими листьями, и прямо на них, хрустя гравием, медленно надви-

гался сверкающий черный катафалк, заваленный цветами.

При виде катафалка Нина с воплем пустилась наутек – турбан у нее развязался и волочился по земле следом.

– Держись за воротник! Держись за воротник, пока не увидишь зверя на четырех лапах!

Они вломились в бабушкин сад, где, по счастью, на ограде сидела Трюфля – черно-белая бабушкина кошка. Так что все обошлось. Дурная примета уже не сбудется, можно отпустить воротник и освободить руки.

– Ну а теперь что будем делать? – напористо спросила Нина.

Полли все не могла просмеяться – Нина ужасно ее развеселила.

– Не знаю, – ответила она.

– Придумай что-нибудь! Что вообще делают верховные жрицы? – не отставала Нина.

– Откуда я знаю? – сказала Полли.

– Знаешь-знаешь! – напирала Нина. – Думай, а то я больше не буду с тобой играть!

Нина вечно шантажировала этим Полли. И Полли всегда попадалась.

– Ой... ну... устраивают процессии и приносят человеческие жертвы, – выдавила она.

Нина радостно загоготала:

– И мы! Мы тоже! Наша жертва – покойник в катафалке! А потом?..

– Э-э... – протянула Полли. – Надо ждать, пока боги примут жертву. И... точно! Пока мы будем ждать, придет полиция и арестует нас за убийство!

Нине это понравилось. Она взвизгнула и вприпрыжку унеслась за бабушкин дом, крича, что ее преследует полиция. Когда Полли догнала ее, она лезла через каменную ограду в соседний сад.

– Что ты делаешь? – спросила Полли, от смеха еле выговаривая слова.

– Убегаю от полиции, а ты как думаешь? – отозвалась Нина.

Глупо хихикая, она взобралась на ограду, и там ее черный балахон порвался с громким треском, похожим на выстрел.

– Ой! – завопила Нина. – В меня попали!

Она спустила ноги с ограды и исчезла – затрещали трухлявые доски.

– Давай лезь сюда! – донесся из-за стены Нинин голос. – А не полезешь – не буду с тобой дружить!

Как обычно, угроза подействовала на Полли. Не то чтобы она всерьез опасалась, что Нина перестанет с ней дружить (хотя все-таки немного побаивалась). Просто в то время Полли без Нининых угроз не могла преодолеть свою робкую, благовоспитанную натуру и отважиться на настоящие авантюры. Вот почему она бесстрашно перескочила через ограду и благодаря Нине угодила на соседский дровяной навес.

После этого утро стало еще больше похоже на сон, причем сон отменно дурацкий. Нина с Полли промчались через целую вереницу садов. Одни были ухоженные и светлые, и через них они пробегали без остановки; другие совсем заросли, и в них можно было таиться и красться. В одном саду повсюду висели веревки с бельем, и Полли с Ниной пришлось пробираться за развевающимися простынями, пока кто-то снимал с веревки кальсоны. Нина и Полли давились от хохота – они очень боялись, что их поймают, и при этом, как часто бывает во сне, почему-то были уверены: никто их не тронет. Девочки давно потеряли в чьем-то саду свои тюрбаны из занавесок, но все равно неслись как безумные и почему-то не могли ни остановиться, ни повернуть назад. Правда, саду в

десятым Нина выдумала, куда они так спешат. Мол, впереди шоссе: она слышит шум машин. От этого они окончательно потеряли голову, бросились вперед, про мчались по крышам ветхих дощатых сараев, которые скрипели и трещали под ногами, и спрыгнули с ограды в какую-то рощу. Нина ринулась в просвет между деревьями, радостно гогоча, и Полли на несколько секунд потеряла ее из виду.

Когда Полли тоже выскочила в просвет, это оказалось никакое не шоссе. Она очутилась на гравийной подъездной дорожке возле незнакомого особняка. Дверь особняка была открыта, и за ней Полли увидела Нину – та удалялась вглубь дома по коридору, обшитому полированным деревом.

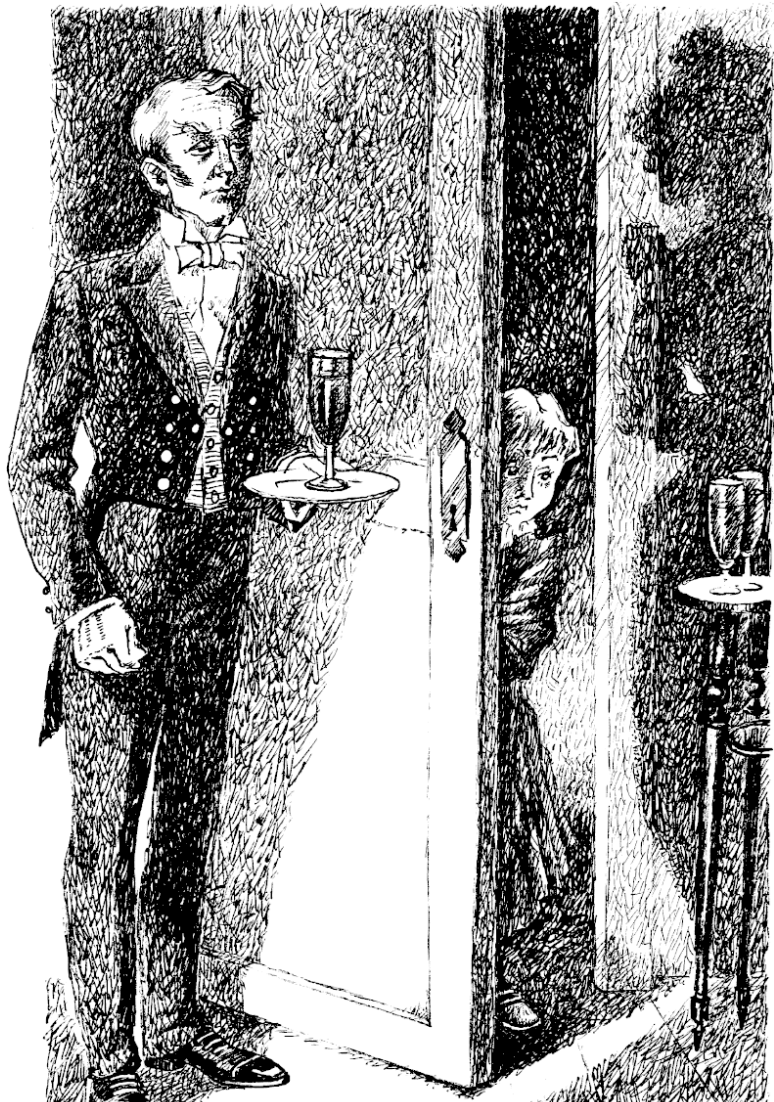
– Ну Нина дает! – прошептала про себя Полли.

На миг ей стало страшно идти за Ниной. Но ее не покидало ощущение, будто это происходит во сне. Она представила себе, сколько всего наговорит ей Нина, если она не пойдет в дом и спрячется в роще, – и на цыпочках пронеслась через двор, только гравий прошуршал. Оказавшись в доме, где густо пахло мастикой для пола и духами, Полли осторожно двинулась по коридору.

Тут все стало совсем как во сне. Коридор вывел Полли в роскошный зал высотой в несколько этажей. По одной стене зигзагом шла белая лестница, и на каждом изломе была забранная перилами площадка с дверью. Повсюду стояли огромные расписные фарфоровые кувшины – в самый раз для сорока разбойников из сказки про Али Бабу. Там Пол-

ли встретил какой-то человек. Как бывает иногда во сне, он словно бы поджидал ее. Видимо, это был слуга: он был во фраке и держал в руках поднос с бокалами. Когда человек двинулся к ней, Полли дернулась – хотела убежать, – но он не сказал ничего ужасного, лишь спросил:

– Оранжеда, мисс? Думается, для шерри вы еще слишком юны.

И выставил поднос перед собой.

От этого Полли сразу почувствовала себя королевой. Она протянула грязную руку и взяла бокал с оранжадом. В нем звякал лед и плавал ломтик настоящего апельсина.

– Благодарю вас, – проговорила она величественно, как подобает королеве.

– Прошу вас, мисс, пройдите налево, в эту дверь, – сказал слуга.

Полли послушалась. Ей показалось – иначе нельзя. Правда, в глубине души она сомневалась, что поступает правильно, но все равно ничего не могла поделать. Прижав звякающий бокал к груди, Полли, словно королева в черном платье, прошествовала в большую комнату, застланную коврами. В свете осеннего солнца за рваными облаками комната казалась выцветшей; она была заставлена неровными рядами мягких стульев. Кругом толпились и вполголоса беседовали люди с бокалами в руках. Все они были в темном и выглядели крайне респектабельно – и все до единого были взрослые. Никто из них не обратил на Полли ни малейшего внимания. Нины в комнате не оказалось. Правда, Полли и не рассчитывала ее увидеть. Очевидно, Нина взяла и исчезла – ведь во сне так случается сплошь и рядом. Зато Полли увидела ту даму, которую сначала приняла за Нину из-за длинного черного платья с разрезом: она стояла на фоне тускло-зеленого сада, видневшегося за окном, и разговаривала с каким-то

очкариком с высоко поднятыми плечами. Все кругом было тусклое и приглушенное, словно тут жили одни старики.

– Если ты так поступишь, я буду очень недовольна, – подслушала Полли слова дамы, обращенные к очкарику.

Дама говорила полупшепотом, вежливо-превежливо, но все равно это прозвучало точь-в-точь как любимая Нинина угроза, только гораздо злее.

Следом за Полли в комнату потянулось еще много народу. Она отошла с дороги и, по-прежнему прижимая к себе бокал с оранжадом, села в заднем ряду на жесткий стул с прямой высокой спинкой. Полли сидела и смотрела, как комната, словно во сне, наполняется шепчущимися людьми в темной одежде. В толпе оказался и один ребенок, мальчик. Он был в сером костюме и выглядел не менее респектабельно, чем все остальные, и вообще был ужасно взрослый – лет четырнадцати, решила Полли. Мальчик ее не заметил. И никто не заметил, кроме того очкарика. Он неуверенно поблескивал очками в ее сторону, пока дама в черном с ним разговаривала: Полли это сразу увидела.

Тут, похоже, начался следующий этап. Какой-то деловитый и важный господин стремительно прошагал через комнату и сел в кресло лицом к собравшимся. Все остальные тоже расселись – быстро и тихо, крутя головами, чтобы не угодить мимо стула. Пока они ерзали, устраиваясь, в комнате стояли шорох и шелест и слышались быстрые шаги: это тот очкарик с высоко поднятыми плечами искал себе место. Все

сердито косились на него. Он слегка ссутулился – еще бы не ссутулиться, когда все на тебя смотрят, – и в конце концов сел у самой двери, за несколько стульев от Полли.

Важный господин с громким хрустом развернул большой лист бумаги. «Официальный документ», – подумала Полли.

– Итак, дамы и господа, прошу внимания, сейчас я оглашу последнюю волю покойной.

«Ой, мамочки!» – подумала Полли. Ощущение сонной безопасности тут же улетучилось, и лед в бокале загремел: Полли внезапно поняла, куда попала и что натворила. Это же тот самый Хансдон-хаус, где они с Ниной видели катафалк. Здесь кто-то умер, а она вломилась на похороны. Из-за черного наряда никто не понял, что она забрела не туда. А когда поймут – ой, что с ней сделают! Она сидела в ожидании расправы, стараясь не греметь льдом в бокале, и слушала голос адвоката: он читал пункты о том, кому что достанется согласно «последней воле и завещанию миссис Мейбл Татяны Лерой-Перри, которая, находясь в здравом уме и твердой памяти...», – и Полли была уверена, что все это чужие тайны и ей вообще не полагается его слушать.

Голос адвоката жужжал и жужжал, и Полли все больше убеждалась: ей нельзя это слушать, завещание не предназначено для посторонних ушей. Она чувствовала, как после каждого пункта по рядам молчаливых слушателей прокатываются волны – волны гнева, раздражения, глубокого возмущения и один-два всплеска безудержной радости. Возму-

щение, видимо, было вызвано тем, что очень уж много всего отходило «моей дочери миссис Юдоре Мейбл Лорелее Перри-Линн». Даже если покойная отписывала часть наследства кому-то другому, например «моему двоюродному брату Мортону Перри-Лерою» или «моей племяннице миссис Сильвии Нуале Лерой-Перри», завещание то и дело передумывало и тоже отдавало эту часть миссис Перри-Линн. Радость возникала в тех редких случаях, когда что-нибудь ценное случайно получал кто-то другой, например Роберт Гудмэн Лерой-Перри или Себастьян Ральф Перри-Лерой. Полли подумала: вдруг то, что она все это слушает, вообще преступление? Попробовала не слушать – это оказалось несложно, поскольку завещание было кошмарно занудное, – но тогда ею мало-помалу овладела тоска.

Полли все не могла собраться с духом, чтобы встать и тихонько выйти. Это было бы легче легкого, если бы тот очкарик не надумал сесть у нее за спиной, у самой двери. Полли украдкой обернулась – вдруг получится выскользнуть – и перехватила устремленный на нее взгляд: похоже, очкарик не понимал, кто она такая. Полли поспешно отвернулась и притворилась, будто слушает завещание, однако по-прежнему чувствовала на себе взгляд очкарика. Лед в ее бокале таял. Тут началась особенно скучная часть завещания про «следует оформить опеку над имуществом». Очкарик, сидевший у двери, поднялся. Голова у Полли повернулась сама собой, против ее воли, будто на пружинке, – да, очкарик по-преж-

нему смотрел на нее, прямо на нее. Глаза за стеклами очков уставились ей в лицо и словно бы поманили за собой, еле заметно указав в сторону двери.

«Пойдем отсюда, – сказал этот взгляд. – Прошу тебя», – добавил взгляд вежливо, но настойчиво.

Полли поняла: ее поймали на месте преступления. И кивнула в ответ. Осторожно поставила бокал с растаявшим в оранжаде льдом на соседний стул и соскользнула на пол. Очкарик протягивал ей руку, чтобы она никуда не делась. Полли обреченно взяла эту руку. Рука была большая, даже огромная, длиннющие пальцы целиком оплели ладошку Полли. Рука потянула ее – и они тихонько вышли за дверь, в зал с зигзагообразной лестницей.

– Тебе не понравился оранжад? – спросил очкарик, когда голос адвоката затих вдаль и превратился в мерный гул при-
боя.

Полли помотала головой. От страха она потеряла дар речи. Из зала вела арка. В комнате за аркой Полли увидела слугу – тот расставлял хрусталь на большом полированном обеденном столе. Полли так и подмывало закричать, позвать слугу, заставить его объяснить, что она не виновата, ведь это он впустил ее на похороны, – но она не сумела выдать ни звука. Большая рука тянула ее вперед, в коридор, по которому Полли сюда пришла. Проходя по коридору, Полли обвела его глазами – хотела в последний раз увидеть все это великолепие. От тоски она стала мечтать, как запрыгивает в

кувшин из сказки про Али Бабу и прячется там до тех пор, пока все не разойдутся. Но тут вдруг оказалось, что они уже вышли в боковой проход, в конце которого маячила открытая дверь, а за ней – деревья на ветру. Голоса адвоката было уже не слышно.

– Ты не замерзнешь на улице в этом платье? – вежливо спросил очкарик, державший ее за руку.

Подобная вежливость заслуживала ответа. Дар речи вернулся.

– Нет, спасибо, – понуро отозвалась Полли. – У меня под ним обычная одежда.

– Очень предусмотрительно, – похвалил очкарик. – Тогда можно выйти в сад.

Они шагнули за порог, и ветер облепил ноги Полли подолом черного платья и взметнул ей волосы. С волосами очкарика он ничего такого сделать не мог – они были по-стариковски прилизаны, – поэтому ограничился тем, что вздыбил бесцветные пряди и захлопал полами темного пиджака. Очкарик поежился. Полли обрадовалась: вот сейчас он ее отпустит и уйдет восвояси в дом. Однако очкарик, очевидно, захотел лично проследить, чтобы она покинула территорию особняка. Он повел Полли направо. Ветер ринулся им в лицо.

– Так-то лучше, – сказал очкарик. – Надо было мне испугаться и прихватить заодно беднягу Себастьяна. Он там совсем заскучал, не меньше тебя. Жаль, он не сообразил сесть

поближе к двери.

Полли повернулась и возмущенно уставилась на очкарика снизу вверх. А он улыбнулся ей сверху вниз. Полли поспешно улыбнулась в ответ, уповая на то, что он сочтет ее застенчивой, и снова подставила лицо ветру, чтобы все обдумать. Выходит, очкарик решил, будто она на похоронах по праву. Просто хотел ее выручить.

– Вам тоже стало скучно, да? – сказала она. – Не то слово, – подтвердил он и выпустил ее руку.

Тут бы Полли и убежать. И, вспоминая тот день девять лет спустя, она подумала, что убежала бы, если бы и вправду считала, что он просто хотел ее выручить и больше ничего. Однако по его голосу стало ясно: на похоронах ему гораздо тоскливее, чем самой Полли. Она вспомнила, как разговаривала с ним та дама, которую она приняла за Нину, и как смотрели на него другие гости, когда он ходил по комнате и искал себе место. Полли поняла, что он нарочно сел у самой двери, и она почувствовала – именно почувствовала, а не подумала: если она сейчас убежит, он должен будет вернуться туда. А Полли стала для него предлогом уйти.

Вот она и осталась. Ей пришлось наклоняться против ветра, чтобы поспевать за очкариком, пока они брели под потрепанными, почти совсем опавшими розовыми кустами, а ветер осыпал их белыми лепестками.

– Как тебя зовут? – спросил очкарик.

– Полли.

– Полли, а дальше?

– Полли Уиттакер, – сказала Полли не подумав. Тут она, конечно, спохватилась, что на этих похоронах положено иметь фамилию вроде Лерой, Перри, Перри-Лерой или Лерой-Перри, как все те, кто получил наследство по завещанию, и стала отвираться: – Понимаете, я приемная. На самом деле я из другой ветви.

– Еще бы, – кивнул очкарик. – С такими-то волосами.

– А вы из какой ветви? – мгновенно нашлась Полли, чтобы отвлечь его от дальнейших расспросов.

Она схватила прядку растрепавшихся волос и нервно прикусила ее.

– Честно говоря, ни из какой, – ответил очкарик, пригибая голову под шипастой веткой. – Покойница – мать моей бывшей жены, вот я и подумал, что надо прийти. Но я здесь чужой.

Полли вздохнула с облегчением. Да, он отвлекся.

– Меня зовут Томас Линн, – сказал очкарик. – И то и другое – фамилия? – уточнила Полли. – Тут у всех такие паровозы с вагончиками...

Очкарик издал короткий смешок, который тут же поспешил подавить, словно ему было неловко смеяться на похоронах.

– Нет-нет. Только вторая часть.

– Значит, мистер Линн, – сказала Полли. Она перестала придерживать волосы, которые так и летали у нее вокруг ли-

ца, и под их прикрытием пристально рассмотрела очкарика, пока они шли по глубоко вросшим в землю ступеням. У длинных волос свои преимущества. Очкарик был высокий и худой, к тому же при каждом шаге круглая бесцветная голова вжималась в плечи и от этого казалась еще меньше, – хотя, может быть, еще и из-за расстояния: очкарик был высоченный, и голова его маячила где-то далеко-далеко в вышине. Ни дать ни взять долговязая черепаха. К тому же еще и очки. Лицо за очками было доброе и симпатичное. Полли решила, что этот мистер Линн очень милый.

– Мистер Линн, – спросила она, – а что вы больше всего любите делать?

Черепашня голова изумленно развернулась к ней.

– Я как раз хотел спросить то же самое у тебя! – Хоп! – воскликнула Полли и рассмеялась, глядя на него снизу вверх.

Конечно, она прекрасно понимала, что беззастенчиво кокетничает с мистером Линном. Видела бы ее мама – обязательно наградила бы долгим тяжелым взглядом. Зато, утешила себя Полли, она сумела отвлечь мистера Линна от излишних размышлений о том, какое отношение она имеет к похоронам, и вообще она уже твердо решила, что мистер Линн славный. А кокетничала Полли лишь с теми, кто ей нравился. И вот когда они протискивались между двумя давно не стриженными живыми изгородями из лаванды, она ответила:

– Конечно, я люблю кричать, бегать, драться и шутить, но больше всего я люблю... в кого-нибудь превращаться.

– Превращаться? – переспросил мистер Линн. – Как это? Голос у него был озадаченный и печально-задумчивый.

– Ну, придумывать вместе с кем-нибудь всякие героические подвиги, а потом раз – и совершать их, – пояснила Полли.

Черепашья голова вежливо повернулась к ней. Полли стало ясно: мистер Линн ничего не понял. Придется объяснять ему, как это делается. Ей очень хотелось рассказать о том, что она попала на похороны, когда играла в верховную жрицу, за которой гонится полиция. Но она не осмелилась.

– Сейчас расскажу, – торопливо заговорила Полли. – Вот представьте себе, что вы на самом деле совсем не вы. На самом деле вы кто-то совсем другой.

– Кто же? – покладисто спросил мистер Линн.

Лучше бы он оказался как Нина и пригрозил, что не будет с ней дружить, если она ему не подскажет. Воображение Полли работало только из-под палки. А теперь ей в голову лезла сплошная скукота.

– У вас лавка скобяных товаров, – в отчаянии пролепетала Полли. И добавила, чтобы немного приукрасить сказанное: – Очень-очень хорошая лавка скобяных товаров в очень красивом городке. И зовут вас на самом деле Томас Пайпер – Томас Трубач. Понимаете, у вас имя как в той песенке, ну, вы знаете: «Том, Том, сын трубача».

Мистер Линн улыбнулся:

– Удивительное совпадение: мой отец был профессиональным флейтистом. Итак, я торгую гвоздями, ведрами и щетками для каминных труб. А еще чем?

– Граблями, вилами и лопатами, – ответила Полли. – Каждое утро вы выходите и развешиваете свой товар вокруг двери, а на тротуаре выставляете бочки и тачки.

– Чтобы прохожие о них спотыкались и стучались. Понятно, – сказал мистер Линн. – А дальше? Я люблю свою работу?

– Не очень, – ответила Полли. Мистер Линн здорово ей подыгрывал: воображение у нее заработало с новой силой. Здесь, между высокими кустами лаванды, ветер стих, и ей стало гораздо спокойнее. – Вам скучновато, но это ничего, ведь вы торгуете в лавке лишь для вида. На самом деле вы супергерой, ужасно сильный и бессмертный...

– Бессмертный?! – оторопел мистер Линн. – Ну, почти, – сказала Полли. – Вы можете прожить много сотен лет, если вас не убьют в каком-нибудь супергеройском сражении. Ваше настоящее имя – Тан-Кул, а я ваша помощница.

– А ты помогаешь мне и в лавке или только когда я супергерой? – уточнил мистер Линн.

– Нет. Я – это я, – сказала Полли. – Пока я только учусь на супергероя. И сопровождаю вас на супергеройские подвиги.

– Значит, надо, чтобы ты жила поблизости, – заметил мистер Линн. – Где эта моя лавка? Здесь, в Мидлтоне? Лучше – здесь, тогда я смогу забирать тебя, когда отправляюсь на

подвиги.

– Нет, вы живете в Стоу-на-Излучине, – уверенно возразила Полли.

С игрой всегда так. Стоит начать – и все само сочиняется.

– Неудобно, – огорчился мистер Линн.

– И правда, – согласилась Полли. – А хотите, я устроюсь работать в вашу лавку и притворюсь, будто и в настоящей жизни я тоже ваша помощница? Ну, например, когда я узнала, где вы живете, то проделала длинный путь в много-много миль из Мидлтона, лишь бы быть рядом с вами.

– Уже лучше, – одобрил мистер Линн. – А еще ты прибавила себе лет, чтобы не ходить в школу. Думаю, для хорошего начинающего супергероя это пара пустяков. Как тебя зовут, когда мы с тобой занимаемся супергеройскими подвигами?

– Геро, – ответила Полли. – Это настоящее имя! – запротестовала она, когда черепашня голова резко наклонилась и уставилась на нее. – Так звали прекрасную девушку из книги, которую я читаю каждый вечер. Один человек все время переплывал море, чтобы увидиться с ней.

– Я знаю, – кивнул мистер Линн. – Просто не ожидал, что и ты знаешь.

– И еще это шутка такая, «Геро – герой», – пояснила Полли. – Про героев и супергероев я знаю все – читала в книге.

– Да-да, вижу, – сказал мистер Линн и даже улыбнулся. – Однако мы еще о многом не договорились. Например...

При этих его словах они протиснулись между серыми кустами лаванды и очутились на лужайке с провалом пустого пруда посередине. Их шаги вспугнули коричневую птицу – она низко пролетела над травой, пронзительно, визгливо вскрикивая. Подул ветер, и опавшие листья разбежались по бетонному дну пруда, а за ветром последовал луч солнца, промчавшийся по лужайке.

– Например... – повторил мистер Линн и умолк.

Солнечный луч достиг сухого пруда. На один мимолетный миг игра света и тени наполнила пруд прозрачной водой. От солнца по дну пруда прошла яркая переливчатая зыбь, и Полли готова была поручиться, что опавшие листья перестали кувыркаться по бетону и всплыли на поверхность, живые, зеленые – на миг. Потом солнечный луч скользнул дальше, и снова перед ними был всего лишь прямоугольник сухого бетона. Мистер Линн тоже все видел. Полли это почувствовала: он сразу замолчал.

– Супергерои всегда видят такое, – сказала Полли, чтобы он не пугался.

– Наверняка, – задумчиво согласился мистер Линн. – Конечно. Ведь мы с тобой оба супергерои. А теперь скажи мне, что происходит, когда нас призывают на супергеройские подвиги? Вот я сижу у себя в лавке, продаю гвозди. Мы с тобой хватаем по пиле... хотя нет, лучше по топору... и бежим на улицу. Куда мы направляемся? Что мы делаем?

Пока Полли размышляла, они миновали пруд. – Мы идем

убивать великанов и драконов и вообще, – сказала она.

– Куда? В супермаркет на углу? – спросил мистер Линн.

Полли сообразила, что он отнесся к ее ответу без должного уважения.

– Не умничайте! – огрызнулась она, словно на Нину. – Я знаю, что мы именно из таких супергероев, а не из тех, которые побеждают чокнутых профессоров, но я же не могу знать все! Давайте вы тоже рассказывайте, раз вы столько всего знаете! Вы ведь только притворялись, будто не знаете, что такое в кого-нибудь превращаться, да?

– Не совсем, – проговорил мистер Линн, галантно раздвигая перед Полли мокрые ветки какого-то хвойного куста. – Я уже много лет ничем таким не занимался. По сравнению с тобой я – новичок. Честно говоря, я бы предпочел тоже быть начинающим супергероем. Может быть, так и сделаем? Например, ты окажешься рядом, когда я одолею своего первого великана, и, возможно, именно благодаря тебе он не раздавит меня в лепешку.

– Пожалуйста, – смилостивилась Полли. Мистер Линн держался робко-робко, и Полли почувствовала себя страшной злокой: зря она на него огрызнулась.

– Спасибо, – произнес он, будто она и вправду оказала ему честь. – Это наводит меня на следующий вопрос. Известно ли мне о своей тайной жизни супергероя, когда я сижу и торгую скобяными товарами? Или нет?

– Сначала – нет, – обдумав его слова, ответила Полли. –

Вы ужасно удивились и решили, будто вам вообще мерещится. Но потом быстро привыкли.

– Хотя поначалу я был в полном недоумении и ломился не разбирая дороги, – согласился мистер Линн. – Нам обоим пришлось многому научиться. Да-да, так, наверное, и было. Ага, а теперь вернемся к моей жизни лавочника в Стоу-на-Излучине. Я живу один?

– Нет, я тоже поселилась у вас, когда переехала, – ответила Полли. – Но у вас, конечно, есть жена, ее зовут Эдна...

– У меня нет жены, – сказал мистер Линн. Сказал он это негромко и спокойно, словно кто-то спросил у него, есть ли в доме масло, а он открыл холодильник и масла не нашел. Но Полли сразу поняла: нет – значит нет, и точка.

– Кто-то должен быть! – заспорила она. – Какая-то тетенька – ее зовут Эдна, точно-точно! – она вами командует, отравляет вам жизнь, и считает дураком, и не дает вам денег, и сваливает на вас всю работу...

– Квартирная хозяйка, – предложил мистер Линн.

– Нет, – отрезала Полли.

– Тогда сестра, – сказал мистер Линн. – Сестра годится?

– Я в сестрах не разбираюсь! – уперлась Полли.

Они бродили по запущенному саду и спорили про Эдну. В конце концов Полли поняла, что придется уступить, и сделала Эдну сестрой. Мистер Линн был спокоен, но непоколебим и не уступил Полли ни дюйма. Почти во всем остальном он соглашался с Полли, но тут – нет.

– Я должен убивать драконов? – спросил мистер Линн умиротворяющим тоном, когда они подошли к дому отку-да-то сзади.

– Да, – ответила Полли. – Такие супергерои, как мы, этим и занимаются.

– Но ведь обычно у драконов очень занятный характер и к тому же достаточно веские причины вести себя именно так, а не иначе, стоит только разобраться, – заметил мистер Линн. – Более того, все истребители драконов, о которых я слышал, плохо кончили.

– Не трусьте, – резко сказала Полли. – Святой Георгий в моей книге кончил хорошо.

– Какой же из меня святой Георгий? – возразил мистер Линн. – У него не было очков!

Это была правда, хотя Полли всегда представляла себе святого Георгия высоким и худым, как мистер Линн. А сам мистер Линн совсем приуныл, и ей даже стало немного со-вестно.

– Тогда отложим дракона на потом, когда как следует все-му научимся.

– Отличная мысль, – обрадовался мистер Линн. – А те-перь подойди-ка сюда. Думаю, тебе понравится.

Невзирая на порывистый ветер, он повел ее по лужайке к дому. Там были три каменные ступени, ведущие к запертой двери. По обе стороны ступеней стояло по невысокой камен-ной колонке, и на каждой – по каменной вазе. Мистер Линн

раскинул руки и взялся за обе вазы.

– Смотришь? – спросил он и замер между ваз, по-прежнему сутулясь.

«Прямо как Самсон в моей книге, когда собирается обрушить храм», – подумала Полли.

– Да, – ответила она. – А что?

– Гляди.

Рука мистера Линна на правой вазе задвигалась. Ваза медленно повернулась, еле слышно заскрипев. Два, три тяжелых поворота – и она остановилась. Теперь Полли увидела, что на вазе вырезаны буквы.

– HERE – ЗДЕСЬ, – прочитала она.

– Гляди дальше, – сказал мистер Линн. Большая левая ладонь повернула другую вазу.

Та провернулась куда легче. Сначала было видно лишь смазанное гранитно-серое пятно. Потом ваза заскрипела, замедлила вращение и остановилась, и на ней тоже проступили буквы.

– NOW – СЕЙЧАС, – прочитала Полли. – ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. А что это значит?

Мистер Линн раскрутил обе вазы. Одна вращалась медленно, со скрипом и скрежетом, другая – быстро, расплываясь в воздухе. А остановились они одновременно.

WHERE – КУДА – значилось на левой вазе. NOW – СЕЙЧАС – гласила надпись на правой.

Мистер Линн снова раскрутил вазы. На этот раз, остано-

вившись, они показывали NO и WHERE.

– Ой, понимаю! – воскликнула Полли. – NOWHERE – НИГДЕ! Вот здорово придумано!

Она отбежала в сторону, оглядела вазы и убедилась, что на них опять написано NOWHERE – НИГДЕ, но теперь отсюда, где она стояла, на левой вазе виднелось только NOW, а на правой HERE. На самом деле на обеих было вырезано NOWHERE – НИГДЕ, но буквы на каждой вазе расставили так, чтобы нельзя было прочесть слово целиком. Полли это проверила – поднырнула под рукой мистера Линна, повертела головой и изучила буквы на обратной стороне ваз.

– Да, точно, – подтвердил мистер Линн. – На самом деле на обеих вазах высечено НИГДЕ.

Он еще раз крутанул вазы – медленную скрипучую и быструю бесшумную, – и на этот раз, остановившись, они показали ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС.

– Супергерои всегда видят такое, – сказал мистер Линн.

– Это, наверное, какое-нибудь колдовство, – кивнула Полли, чтобы подразнить его.

– Наверняка, – ответил он.

Похоже, он тоже ее подразнивал.

Тут они одновременно обернулись – Полли даже не успела понять почему. За спиной у них стоял мальчик, который был на похоронах, – по-прежнему аккуратный и прилизанный, несмотря на ветер. Может быть, он фыркнул, вот они и обернулись. Так или иначе, вид у него был крайне презри-

тельный.

– А, привет, Себ, – сказал мистер Линн. – Тоже улизнул, да?

– Там уже все кончилось, – высокомерно ответил мальчик.

– Правда? Вот и славно! – сказал мистер Линн.

Мальчик ничего не ответил, а просто повернулся и ушел.

На лице у мистера Линна отразился лишь намек на обиду.

– Какой невоспитанный мальчик! – воскликнула Полли, надеясь, что мальчик услышит ее слова.

Однако тот шагал очень быстро и, не успела она договорить, скрылся за углом дома.

– Кем он вам приходится? – спросила она. – Это сын какого-то родственника Лаурели, довольно дальнего, – сказал мистер Линн.

Он задумчиво и грустно глядел вслед мальчику, и Полли от этого сделалось не по себе. Но когда он снова посмотрел на нее сверху вниз, глаза у него были веселые.

– По-моему, можно рискнуть и вернуться, – сказал он. – Говорят, мне позволено взять себе несколько картин из коллекции старой дамы. Поможешь выбрать? – Он протянул Полли руку и улыбнулся.

Полли едва не взяла протянутую руку. Потом попятилась. Мистер Линн так и застыл с неловко протянутой рукой, улыбка на его лице погасла, и взгляд сделался озадаченным и куда более обиженным, чем в ответ на грубость Себа.

– Что случилось? – спросил он.

От этого Полли почувствовала себя не только злою, но еще и врушкой.

– Я не родственница! – выпалила она. Щеки у нее запылали. – Я там оказалась по ошибке. Думала, Нина... В общем, повела себя как дурочка, понимаете?

– Что-то подобное я и подозревал, – грустно ответил мистер Линн. – Значит, не пойдешь?

– П-пойду... если вы хотите, – пролепетала Полли.

– Я был бы тебе очень признателен, – сказал мистер Линн.

Руку он так и держал протянутой. Полли взяла ее – на седьмом небе от счастья, что сказала ему правду, – и они обошли дом вслед за Себом.

– Итак, мой первый великан появится в супермаркете в Стоу-как-его-там, – сказал мистер Линн, когда они свернули за угол.

– Не слишком крупный, а то он туда не поместится, – успокоила его Полли.

С этой стороны дома располагался пышный парадный вход. Перед ним была просторная гравийная площадка, где стояли машины. Наверное, те самые, звук которых они слышали, когда Нина решила, будто они бегут к шоссе. Полли задумалась, где же Нина, но собственные приключения так увлекли ее, что беспокоиться за Нину было уже некогда. Из открытой парадной двери Ханс дон-хауса не спеша текли люди в темной одежде и с траурными по случаю лицами и расходились по площадке. Кто-то вышел просто подышать.

Остальные рассаживались по машинам и разъезжались.

Полли с мистером Линном прошли вдоль стены к парадной двери.

– Даже про маленького великана обязательно напишут в местных газетах, – рассудил мистер Линн. – Что мы скажем журналистам?

– Прессу предоставьте мне, – важно отозвалась Полли.

Пожалуй, это был странный разговор. Возможно, именно поэтому люди, выходявшие из дома, так недружелюбно на них смотрели. Кое-кто притворялся, будто не замечает Полли и мистера Линна. Кое-кто бросал: «Привет, Том», но говорил это хмуро и неохотно – и поднимал бровь на Полли, а потом отворачивался. Когда Полли с мистером Линном протолкнулись наконец в роскошный зал, Полли уже поняла: их разговор тут ни при чем. Ей почему-то было ясно, что толпящиеся в зале люди – самые главные родственники. Все до единого мерили мистера Линна неодобрительными взглядами, если вообще давали себе труд его заметить, и отворачивались. Не успели Полли и мистер Линн пройти и до середины зала, как Полли окончательно перестала удивляться, что мистер Линн попросил составить ему компанию и повел с собой в дом.

Заговорил с мистером Линном всего один человек, и Полли он совсем не понравился. Он резко развернулся, прервав беседу с кем-то еще, специально чтобы исподлобья посмотреть на Полли с мистером Линном. Это был высокий груз-

ный мужчина с черными набрякшими мешками под глазами.

– А, Том, увиливаешь, как обычно! – с наигранной веселостью заявил он.

Прозвучало это ничуть не весело.

– Нет, Мортон, ты же видишь, я здесь, – сказал мистер Линн, виновато втянув голову в плечи.

– Вот и не уходи никуда, – сказал человек, – а то тебе не поздоровится.

Он расхохотался, притворившись, будто пошутил. Хохот был низкий и хриплый. Полли показалось, что он какой-то злокачественный – похож на приступ очень скверного кашля.

– Это Лаурель просила тебе передать, – добавил человек и снова обернулся к тому, с кем беседовал.

– Спасибо, – сказал мистер Линн ему в спину и потянул Полли за собой через зал.

Они очутились у подножия зигзагообразной лестницы, и тут путь им вежливо преградил слуга:

– Прошу прощения, сэр. Вы с барышней останетесь на обед?

– Я не... – начал мистер Линн. Потом осекся и в смятении посмотрел на Полли. Очевидно, он забыл, что ее здесь быть не должно. – Нет, – сказал он. – Мы скоро уходим, спасибо.

Слуга сказал: «Благодарю вас, сэр» – и ушел. Значит, мистер Линн не собирался слушаться того хохочущего человека. Что ж, Полли его не винила.

– Кто это был? – шепотом спросила она, когда они поднимались по лестнице.

– Наверное, приглашенный официант, – ответил мистер Линн.

– Да нет же, вот глупый! Тот, с черными мешками под глазами! – шепнула Полли.

Мистер Линн коротко и громко засмеялся и тут же виновато смолк.

– А, этот? Отец Себа, Мортон Лерой. Они с Лаурелью, скорее всего, поженятся. Картины вот здесь.

Полли надеялась, что они поднимутся по лестнице до самого верха и у нее получится исследовать верхние этажи Хансдон-хауса. Однако та комната, куда шел мистер Линн, оказалась на площадке на полпути – всего в одном коротком пролете от зала. Она была маленькая и пустая. На ковре остались отметины там, где долго стояла мебель, а потом ее убрали. Картины стояли прислоненные к стенам слева и справа, целыми пачками.

– Насколько я помню, среди них есть очень славные, – сказал мистер Линн. – Давай поставим все те, которые нам понравятся, к стене под окном, а потом решим, какие взять. Мне говорили, я могу взять шесть.

Едва они начали рассматривать картины, как Полли обнаружила, что у левой стены они гораздо интереснее. Она предоставила мистеру Линну смотреть картины на другой стороне и встала на колени лицом к левой стене, придер-

живая передние картины подбородком и животом, а задние перелистывая, словно страницы тяжелой книги. Полли нашла зеленую, солнечную картину, на которой люди в старинных одеждах устроили пикник в лесу; кроме этой картины, в той пачке были одни святые с потрескавшейся золотой краской на нимбах. В следующей пачке нашлась странная перекошенная панорама ярмарочной площади, очень красивый китайский рисунок с изображением коня и компания розово-голубых арлекинов на фоне моря. Полли сразу же поставила их к дальней стене. Первая картина в третьей пачке тоже ей понравилась. На картине в современной причудливой манере были изображены люди со скрипками. Под ней стояла большая сине-зеленая картина, где были сумерки и огонь и клубы дыма наплывали на огромный остов какого-то растения вроде тысячелистника на переднем плане. При виде этой картины Полли вскрикнула от восторга.

Мистер Линн тем временем говорил:

– Ни одной картины отсюда не помню. Вот взгляни. Правда, мрачнее некуда?

Полли развернулась, и мистер Линн показал ей продолговатую побуревшую картину или даже рисунок, на котором русалка тащила под воду мертвого на вид человека.

– Жуть, – кивнула Полли. – У них глупые рожи. А у человека слишком длинное туловище.

– Согласен, – сказал мистер Линн, – хотя, пожалуй, можно взять ее ради курьеза. Объясни, как ты попала в дом по

ошибке.

Полли поднялась и осторожно перенесла скрипичную и дымную картины к окну.

– Нина первая начала, – проговорила она. – Но я, конечно, тоже хороша.

И она рассказала ему все про верховных жриц и как они перелезли через ограду бабушкиного сада и промчались через все остальные.

– Потом нам пришлось прятаться за бельем на веревке, – говорила она и тут увидела, что мистер Линн поднимается и неловко, суетливо отряхивает колени.

– О, привет, Лаурель, – сказал он.

В дверях стояла дама, которую Полли приняла за Нину. Теперь, вблизи, Полли бросилось в глаза, что Лаурель хорошенькая и пухленькая, а ее черный туалет явно очень дорогой. Волосы у нее были необыкновенные – легкие, летящие и непонятного цвета, то ли серые, то ли вообще бесцветные. Все это, а еще медово-приторная властность, которой так и веяло от Лаурели, подсказало Полли, что именно она – та самая, кому в наследство досталось почти все в этом доме. А по тому, как окостенело стоял мистер Линн, Полли поняла, что Лаурель еще и та самая бывшая жена, про которую он говорил. Полли удивилась, как ее угораздило принять Лаурель за Нину.

– Том, разве ты не слышал, что я тебя искала? – сказала Лаурель.

Прежде чем мистер Линн замотал головой – Полли с интересом отметила, что он собирается соврать, – взгляд Лаурели метнулся сначала к картинам, а потом к Полли. Взглянув Лаурели в глаза, Полли вскочила на ноги. Глаза были такие же светлые, как и волосы, но там, в светлоте, зияли черные дыры – Полли словно бы заглянула в туннель. И чувства в этих глазах было не больше, чем в туннеле, какое бы медово-приторное лицо ни строила Лаурель.

– Том, когда будешь выбирать картины, – сказала Лаурель, глядя на Полли, – не забудь: тебе можно брать только те, что там. – Она указала на правую стену, блеснув перстнями. – Картины у другой стены очень ценные, они должны остаться в семье.

После чего она повернулась и вышла на лестницу, причем умудрилась утянуть туда и мистера Линна. Дверь за собой они прикрыли, но не до конца. Полли стояла у окна и слышала обрывки того, что они говорили друг другу за дверью. Сначала до нее донесся легкий, медовый голос Лаурели:

– ...Все спрашивают, Том, кто эта девочка.

На что мистер Линн проямлил:

– ...Присматривал... нельзя же оставить одну...

Полли было ясно, что Лаурель недовольна; похоже, она обрадовалась, когда мистер Линн добавил:

– ...Скоро уйдем. Мне надо успеть на поезд. Одно было понятно: мистер Линн очень следил за тем, чтобы не проболтаться Лаурели, кто такая Полли и как она сюда попала.

Полли прислонилась лбом к окну, глядя на стоящие на площадке машины, и думала, что теперь делать. Она была напугана. Она-то решила, раз мистер Линн сам пригласил ее вернуться в дом, значит это можно. А теперь поняла: нет, нельзя. Мистеру Линну пришлось недоговаривать и изворачиваться, чтобы прикрыть свою затею. Лаурель была очень страшная. Полли слышала, как они с мистером Линном ссорятся на лестничной площадке за дверью, – голос Лаурели позвякивал гневно и холодно, словно лед в оранжаде.

– Том, ты такой и есть, а думать можешь все, что хочешь!

И чуть-чуть погодя:

– Потому что я тебе сказала, вот почему!

А потом:

– Я всегда знала, что ты идиот, но это тебя не оправдывает!

Слушая все это, Полли начала не только бояться, но еще и злиться. Лаурель была настоящая шантажистка, несмотря на медовый голос. Полли направилась к картинам на другой стороне комнаты – тем, которые было позволено взять мистеру Линну. Да, Полли правильно догадалась: они не шли ни в какое сравнение с картинами у левой стены. Почти все были ужасные. Поскольку на площадке за дверью по-прежнему ссорились, Полли тихонько вернулась к картинам, которые прислонила к стене под окном. И ходила на цыпочках туда-сюда, подсовывая все хорошие, интересные картины, которые ей нравились, в пачки у правой стены, а несколь-

ко не самых ужасных переставила к стене под окном, будто их уже выбрали. Потом, чтобы все выглядело как раньше, Полли взяла ужасные картины, стоявшие у правой стены, и подсунула их в пачки у левой. В результате все окончательно перепуталось. Когда мистер Линн вернулся в комнату, хитроумная Полли уже стояла на коленях у правой стены и, желая отвлечься от невеселых дум о своем преступлении, изучала картину под названием «Бдение», где был изображен молодой рыцарь, погруженный в молитву у алтаря.

– Как вы считаете, он тоже начинающий супергерой? – спросила Полли у мистера Линна.

– Ой, нет. Поставь обратно, – ответил мистер Линн. – Тебе не кажется, что она слащавая?

– Немного есть, – бодро согласилась Полли и, не спеша пристраивая «Бдение» на место, из-за завесы волос наблюдала, как мистер Линн выбирает картины.

Вот так «Болиголов в огне» и оказался у Полли. Просмотрев перемешанные стопки, мистер Линн выбрал те же самые картины, которые до этого выбрала Полли. Он восклицал: «Ага, и эта здесь, а я и не знал!» или: «Надо же, а эту я помню!» Особенно он обрадовался причудливой картине со скрипками. Добравшись до картины с пожаром в сумерках, он улыбнулся и заметил:

– Эта фотография не идет у меня из головы. Когда я здесь жил, она висела у меня над кроватью. Мне всегда нравилось, как очертания болиголова повторяют контуры того куста в

живой изгороди. Держи, – сказал он и сунул картину в руки Полли. – Возьми ее себе.

Полли оторопела. У нее еще никогда не было своей картины. И получить выгоду от своего преступления она не считывала.

– Вы хотите сказать – насовсем?! – ахнула она.

– Конечно насовсем, – сказал мистер Линн. – Боюсь, она не очень ценная, зато будет нравиться тебе все больше и больше, вот увидишь. Возьми ее вместо медали за спасение жизни.

Полли попыталась поблагодарить его как положено, но он оборвал ее:

– Нет, не надо, лучше пойдем. Думаю, твоя бабушка уже волнуется.

Мистеру Линну пришлось самому нести картину Полли вместе со своими пятью. Иначе она на ходу била Полли по ногам и стекло могло треснуть. Все остальные гости уже сели за стол. Торопливо шагая через пустой зал рядом с мистером Линном, Полли слышала звон ножей и вилок. Вот и хорошо. Она понимала: если Лаурель встретит их на обратном пути, то сразу увидит, что мистер Линн взял не те картины.

Полли думала о Лаурели и потом, пока бежала рядом с мистером Линном по открытой всем ветрам дороге, и от этого почему-то сказала:

– Когда я устроюсь в лавку вам помогать, то переоденусь мальчиком. А вы притворитесь, будто ничего не знаете.

– Как пожелаешь, – кивнул мистер Линн. – Если для этого не придется остричь твои прекрасные волосы.

Прекрасные волосы развевались вокруг лица Полли и лезли в глаза и в рот.

– Ничего себе прекрасные! – сердито ответила она. – Я их ненавижу. Они меня бесят, и я мечтаю подстричься!

– Извини, – сказал мистер Линн. – Само собой. Это же твои волосы.

– Да ну! – вспыхнула Полли на пустом месте. – Вечно вы соглашаетесь! Вот вас и шантажируют все, кому не лень!

Они уже дошли до бабушкиной калитки.

– Отдайте картину, – надменно велела Полли. Мистер Линн не ответил, однако, отдавая ей картину, тоже выглядел довольно-таки надменно. Молчание было полно воя ветра и шелеста листьев и получилось очень недружелюбное. А вот бабушка, очевидно, поджидала Полли. Когда Полли пристроила картину под мышку и сумела отодвинуть засов калитки, парадная дверь распахнулась. Первой выбежала Трюфля. Она почему-то выгнула спину, задрала хвост и умчалась с глаз долой. Второй на крыльцо выплыла бабушка – вылитая маленькая герцогиня.

– Прошу в дом, – процедила бабушка. – Меня интересует, где она пропадала.

Полли с мистером Линном перестали мерить друг друга надменными взглядами и обменялись виноватыми. Они робко вошли следом за бабушкой в дом и потом в кухню. Там

над полупустой тарелкой сидела Нина с набитым ртом и глядела на них круглыми глазами. Потом ей удалось запихнуть всю еду за одну щеку, и она проговорила:

– Куда ты подевалась?

– Да-да, – сказала бабушка хрустко, словно вафлю разломил. – Я тоже хочу это знать.

Мистер Линн переложил тяжелые картины в другую руку. Очки у него уныло блеснули.

– Полли была в Хансдон-хаусе, – признался он. – Она... э-э... забрела туда случайно. Там, понимаете, сегодня похороны. Она... э-э... когда читали завещание, мне показалось, ей стало немного не по себе, но она была вся в черном, и я не сразу сообразил, что ей там быть не полагается. А после этого, к сожалению, я сам ее немного задержал, поскольку попросил помочь мне выбрать картины.

Бабушка окинула пронзительным взглядом карих глаз узкую фигуру мистера Линна в темном костюме и его черный галстук – и, похоже, многое для себя уяснила.

– Да, – кивнула бабушка. – Я видела катафалк. Хоронили даму, верно? Выходит, наша красotka вломилась на похороны в чужой дом. А я должна поверить, будто вы за ней присматривали, так ведь, мистер...

– Он правда присматривал, бабушка! – закричала Полли.

– Линн, – сказал мистер Линн. – Полли прекрасная собеседница, миссис...

– Уиттакер, – мрачным эхом отозвалась бабушка. – Я, ко-

нечно, очень признательна, что вы уберегли ее от беды...

– Не сомневайтесь, ей ничего не угрожало, – вставил мистер Линн.

Бабушка продолжила фразу, словно мистер Линн ничего не говорил:

– ...мистер Линн, однако какое отношение к происходящему имели вы? Вы торговец произведениями искусства?

– Нет-нет, – ответил мистер Линн, сильно занервничав. – Эти картины – всего лишь память о покойной миссис Перри, она отписала их мне в завещании. Мне о них почти ничего не известно, я ведь на самом деле музыкант...

– На чем играете? – спросила бабушка.

– На виолончели, – сказал мистер Линн. – В оркестре.

– В каком оркестре? – Бабушка была неумолима.

– В Британском филармоническом, – сказал мистер Линн.

– Тогда каким образом вы оказались на похоронах? – напирала бабушка.

– Я свойственник покойной, – объяснил мистер Линн. – Я был женат на дочери миссис Перри, мы в этом году развелись...

– Ясно, – оборвала его бабушка. – Что ж, спасибо, мистер Линн. Вы уже пообедали?

Бабушка сказала это самым негостеприимным тоном, однако Полли поняла, что ей стало совестно. И вздохнула с облегчением. Полли было очень стыдно, что бабушка учинила мистеру Линну допрос.

Однако сам мистер Линн нервничал по-прежнему.

– Благодарю вас, нет, я перекушу на станции, – сказал он. – Мне надо успеть на поезд в два сорок. – Он исхитрился поддернуть рукав пиджака и изогнул шею, чтобы заглянуть за связку картин и посмотреть на часы. – К вечеру я должен быть в Лондоне, у меня концерт, – пояснил он.

– Тогда бегите, – посоветовала бабушка. – Или вам на станцию Мейн-Роуд?

– Нет, на Майлс-Кросс, – ответил мистер Линн. – Мне пора.

И он ушел – кивнул Полли и Нине, пробормотал «до свидания» бабушке и протопал через дом огромными шагами, словно тяжело нагруженный страус. Дверь за ним захлопнулась с грохотом. Трюфля вбежала в дом со стороны сада через кошачью дверцу. Бабушка повернулась к Полли:

– Ну, сударыня, что скажете?

Полли надеялась, что гроза миновала. А оказалось, только началась. Бабушка была в ярости. Полли и не подозревала, что она способна так рассердиться. Бабушка отчитывала внучку короткими хлесткими фразами и не могла остановиться – говорила и о посягательстве на чужую территорию, и о глупости, и о вторжении на похороны, и ей было что сказать по каждому пункту. Однако между пунктами она все время всовывала одну и ту же фразу, очень свирепую:

– Полли, неужели тебя не предупреждали, что нельзя разговаривать с незнакомцами?

Это особенно сильно задевало Полли. Когда бабушка задала этот вопрос примерно в десятый раз, Полли возразила: – Он уже никакой не незнакомец, я его прекрасно знаю! На бабушку это не произвело ни малейшего впечатления. – Когда ты с ним заговорила, он был незнакомец. Не перечь мне, Полли!

Тогда Полли в свое оправдание призналась, что думала, будто бежит за Ниной. Нина стала корчить Полли страшные гримасы, подмигивала, дергалась и перекашивала набитый рот. Полли не представляла себе, что Нина наплела бабушке, и сообразила: теперь из-за нее влетит еще и Нине. И поспешно перешла к рассказу о том, как мистер Линн увел ее с похорон в сад.

Бабушка и вправду наградила Нину острым, словно кухонный тесак, взглядом, отчего челюсти у Нины мгновенно замерли и перестали жевать, – но сказала только одно:

– У Нины хватило разума не ходить в чужие дома, вот и прекрасно. Но потом этот мистер Линн снова повел тебя в дом, верно? Зачем? Он ведь к этому времени, наверное, разобрался, что ты там чужая.

Похоже, бабушка прочитала это все у Полли в голове.

– Да. То есть нет. Я ему рассказала, – ответила Полли.

Конечно, она понимала: идти в дом во второй раз было как-то неправильно, даже если бы она не совершила еще более тяжкого преступления – не переставила картины. Она вспомнила страшные глаза Лаурели и то, как старался ми-

стер Линн не выдать ей, кто такая Полли. А теперь, оказывается, и сама Полли не может быть до конца честной.

– Он попросил меня выбрать картины, – сказала она. – А одну он мне подарил.

– Давай посмотрим, – сказала бабушка. Полли взяла картину обеими руками и подняла. Она была уверена: вот сейчас бабушка заставит ее вернуть картину в Хансдон-хаус.

– У меня еще никогда не было своей картины, – прошептала Полли.

Трюфля, кошка душевная и понимающая, сразу же поняла, как Полли волнуется, подошла и в утешение потерлась о ее ноги.

– Гм, – протянула бабушка, разглядывая огонь, дым и стебель болиголова. – Что ж, сразу видно, это не работа старых мастеров. Скажи-ка, мистер Линн сам тебе ее подарил? Ты ее не выклянчила? Точно?

– Да, – закивала Полли. Это ведь была правда. – Вместо медали за спасение жизни.

– Хорошо, – рассудила бабушка, к великому облегчению Полли. – Раз так, бери себе. И вообще платье долой и ложку в руки – скоро чай пить пора, а ты еще не обедала!

Когда Полли наконец села за стол, Нина уже приканчивала сладкое; пришла Трюфля и с выжидательным видом устроилась между ними. Свое имя Трюфля получила за фанатичную любовь к шоколадным конфетам, а именно их бабушка и подала Нине после обеда. Впрочем, картофельная

запеканка с мясом Трюфле тоже нравилась.

– Похороны были очень аристократические, – оправдывалась Полли, принимаясь за запеканку. – Правда, ужасно скучные.

– Аристократические?! – воскликнула бабушка и прогнала Трюфлю со стола.

– И мистер Линн мне нравится, – упрямо продолжала Полли.

– Ладно, по-моему, он человек безобидный, – неохотно согласилась бабушка. – Но в этот особняк ты больше не ходи, Полли. Настоящий аристократ ни за что не ляжет в могилу на Хеллоуин!

– Ну, дату заранее не назначишь, – рассудительно сказала Нина.

Бабушка фыркнула.

Вечером бабушка с Ниной помогли Полли прикрутить к стене крючок и повесили картину у Полли над кроватью, чтобы можно было смотреть на нее перед сном. С тех пор картина там и висела. Полли помнила, как смотрела на нее, пока Нина шумно требовала подробного отчета о ее приключениях. Полли не хотела ничего рассказывать Нине. Это было ее личное дело. Кроме того, она была занята – соображала, что это за фигуры в дыму: действительно четыре бегущих человека или просто похожие на людей кусты в живой изгороди. Полли отбилась от Нины вялыми ответами и заснула. Ей снился китайский конь с одной из картин мистера Лин-

на – он пролез в ее фотографию и гарцевал за стеной огня и дыма.

3

*На миг, мой Том, с коня сойди
И головой ко мне склонись.
Есть три дороги впереди.
Ты их запомнить поклянись.*

Томас Рифмач²

Когда Полли собиралась домой, она забыла картину у бабушки. Бабушка ей не напомнила. Размышляя об этом девять лет спустя, Полли подумала: конечно, бабушке не нравилось, что мистер Линн подарил ей картину, но дело все-таки не в этом. Скорее всего, бабушка, как и сама Полли, понимала: дома у Полли «Болиголову в огне» не место.

Дома были яркие обои в цветочек и такие же занавески. Задергиваешь занавески перед сном, и кажется, будто задвигаешь окна стенами.

А когда Полли наконец вспомнила про картину – уже поздно ночью, – то открыла рот и хотела заплакать. Но передумала. У мамы опять началась хандра – она стала молчаливая и напряженная и взрывалась от любого пустяка. Полли это понимала, хотя рядом не было папы и некому было предостеречь ее: «Тихо, а то Айви опять рассердится!» Мама сказала, папа ушел в рейс. Поэтому Полли закрыла рот и не стала закатывать сцену из-за забытой картины.

² Отрывки из баллады «Томас Рифмач» даны в переводе С. Маршака.

Началась школа. Кругом только и говорили, что о кострах и фейерверках, – все, кроме Нины, которая считала себя обязанной выделяться из толпы. Нина целыми днями твердила – мол, ее преследуют таинственные незнакомцы. Никто не понимал, верить ей или нет, а Полли – особенно.

– Ты только с ними не разговаривай, – посоветовала она, вспомнив бабушкин наказ.

– Ничего-ничего! – пригрозила Нина. – Я папе на них пожалуюсь!

От этого Полли ужасно захотелось, чтобы ее собственный папа вернулся домой. Она по нему скучала. В ту неделю она подолгу просиживала у Нины в гостях. Мама по-прежнему хандрила, почти не разговаривала и стала совсем скучная. У Нины было гораздо веселее. Стены все обшиты лакированным деревом, и пахнет пряностями. Нине разрешали разбрасывать игрушки где угодно, прямо на полу. У нее были и машинки, и трансформеры, и пистолеты, и «лего», и штук сто радиоуправляемых вездеходов. Почти у всех у них сели батарейки, но играть это ни капельки не мешало. Полли их обожала.

Парадокс заключался в том, что Нине гораздо больше нравились игрушки Полли. К вечеру пятницы ей уже до смерти надоело играть в машинки.

– А теперь пошли к тебе, – заявила она. – Хочу поиграть в твою швейную машинку и в кукол.

Полли сначала не согласилась, но Нина победила, сказав:

– Тогда я не буду с тобой дружить.

Они пошли. Нинина мама крикнула им вслед, чтобы Нина ни к кому не приставала и вернулась через час. Уже темнело, загорались уличные фонари. Нина обернулась через плечо, очки у нее блеснули оранжевым.

– За мной следят, – сказала она.

Похоже, ей это нравилось.

Полли уже сообразила, что Нина так играет.

И обрадовалась, ведь иначе было бы очень страшно, что кто-то преследует их в темноте.

– Сколько их там? – подыграла она Нине. – Двое, – ответила Нина. – Если это дядька, он сидит в машине и делает вид, будто он чей-то папа. А мальчишка стоит на той стороне и ничего не делает, только глазеет.

Они шли, пока не поравнялись с красным почтовым ящиком на углу улицы, где жила Полли. Нина понимала – Полли ей не верит.

– Я пожаловалась папе, – сообщила она, будто это что-то доказывало. – Утром он провожал меня в школу, и тогда дядька спрятался.

«Еще бы, – подумала Полли, – если он вообще есть». И все равно вздохнула с облегчением, когда бросилась по тропинке к собственной двери и, запыхавшись, ворвалась в дом.

Айви встретила их в прихожей с продолговатым пухлым конвертом в руках. Конверт она отдала Полли. Хандрила Айви по-прежнему.

– Тебе тут письмо пришло, – сказала она безжизненным от хандры голосом. – Что ты опять натворила?

– Ничего, мама! – воскликнула искренне удивленная Полли.

Адрес на конверте был надписан бабушкиным почерком. «Мисс Полли Уиттакер». На обороте, надорванном, поскольку мама распечатала конверт, бабушка написала: «Полли, извини. Я вскрыла это письмо. Не по ошибке. С незнакомыми людьми надо быть настороже». Внутри лежал другой конверт, толстый и хрустящий, – он был адресован Полли, но по бабушкиному адресу, причем адрес был напечатан на машинке. Этот конверт тоже был распечатан. Полли взглянула на него в полном недоумении, а потом подняла глаза на маму.

– Зачем ты его открыла?

Нина поглядела на их лица и на цыпочках удалилась наверх, в комнату Полли.

Айви пригладила красиво уложенные волосы. – Это письмо от бабушки, – сказала она все тем же безжизненным голосом. – Там могло быть... я подумала, там про твоего отца. – В глазах ее набухли две слезы. Она смахнула их так сердито, что соленая капля попала Полли в рот. – Хватит стоять и тарачиться! – сказала Айви. – Иди к себе и играй!

Полли ничего не оставалось, кроме как подняться к себе в комнату. Там Нина уже всюю организовывала кукольное чаепитие. Во рту у Полли по-прежнему было солоно, но

она притворилась, будто ничего не замечает, села на кровать и открыла письмо. Письмо, как и адрес, было напечатано на машинке, но не похоже на официальный документ. Полли сразу увидела, что там есть ошибки – прямо на первой странице, целая куча: одни зачеркнуты и правильное слово надписано сверху ручкой, а другие запечатаны черточками и дальше написано «прошу прощения!», а потом правильное слово. Письмо было напечатано на нескольких листах, совсем разных и даже разного размера. Первая страница была гладкая, аккуратная и маленькая. Следующая – большая и пожелтевшая. Потом лежали две страницы шероховатой бумаги в голубую линейку, наверное выданные из тетрадки, а поперек последних листов тянулись скопления узеньких линеек вроде телеграфных проводов. Поморгав немного, Полли узнала в этих страничках нотную бумагу. И тогда Полли бережно и мягко, затаив дыхание, перевернула последний лист. Письмо кончалось на середине страницы, после чего был еще кусочек, помеченный «P. S.». Полли прочитала: «С наилучшими пожеланиями моей помощнице и начинающему супергерою, Томас Г. Линн». Подпись была чернилами, но очень разборчивая.

Значит, это и в самом деле письмо от мистера Линна. Полли почувствовала, как лицо у нее задвигалось само собой, словно под кожей оказался тугий, упругий слой, и расплылось в широченной сияющей улыбке. В те времена Полли читала медленно. Ей оставалось еще много, когда Нина во-

лей-неволей отказалась от попыток ее запугать. Она мрачно играла на полу одна и только два-три раза подняла голову, когда Полли смеялась вслух.

Милая Полли!

После того как мне так незвапно – прошу прощения! – внезапно пришлось бежать, в поезде у меня было вдоволь времени посидеть и подумать, и мне показалось, что у нас осталось еще много разных подробностей нашей тайной жизни, которые надо обобсудить. Почти обо всем мне придется справавшивать – прошу прощения! – у тебя, сам я решить не могу. Ты лучше меня разбираешься в таких вещах. Единственное, что я могу устроить сам, – это наше первое прикрючепрошу-прощения! – клипруче – прошу прощения! – дело с великаном. Я думаю, было примерно так. Конечно, если ты думаешь по-другому, обязательно скажи, и я рискну вызвать твою досаду и снова согласиться с тобой. В общем, вот.

Во-первых, не забывай: мистер Томас Пайпер очень силен. Да, он как две капли воды похож на меня, то есть напоминает страуса в золотых очочках, зато у него есть мыш-

цы, которых так недостает мне в моем обманном облике простого виолончелиста. Каждое утро он снимает с обоих окон своей лавки тяжелые деревянные щиты-ставни, краска на которых оброг прошу прощения обгорела на солнце, и заносит их в дом. Затем он выносит на тротуар всякую всячину: рулоны металлической сетки, которые мы с тобой не смогли бы даже поднять, десяток мусорных корзин, такчи, которые никто из нас не сдвинул бы с места, и стопки увесистых белых ночных горшков, которые мы с тобой носили бы по одному. Каждый вечер мистер Пайпер убирает все обратно и вешает ствани на окна. Если бы он хотел, то мог бы поехать на олимпиаду и получить там золотую медаль по тяжелой атлетике, просто ему в голову не пришло.

Когда в лавке нет покупателей, он лениво точит топоры, глядит на улицу и думает. Как и у меня, ум у него пытливый, однако я сталкивался с образованием, а он - нет, поэтому мысли у него немного путаные. Он покупает в мелочных лавках старые книги и читает их от корки до корки. Обычно все, что там написано, ужасно устарело. Сестра мистера Пайпера Эдна, которая, по тво-

им словам, сердится на него за то, что он транжирит деньги на ерунду вроде книг, обзывает его чокнутым. Мистер Пайпер в глубине души с ней согласен.

В общем, в то утро, о котором мы говорим, его мысли путаются даже сильнее, чем всегда, поскольку он читал одну старую книгу под названием «Дон Кихот», где рассказывается про высокого тощего человека, который читал книги и дочитался – сошел с ума и набросился на ветряные мельницы, приняв их за великанов.

Мистер Пайпер смотрит в окно сквозь развешенные скребки, точит топор и размышляет о том, не сошел ли он сам с ума, и тут свет за открытой дверью меркнет – раз, другой: это мимо проходит что-то огромное. Каминные приборы у двери звякают друг о друга. Мистер Пайпер моргает. Он готов ручаться: мимо его двери прошагали две гигантские ножищи – одни ступни размером с «мини-купер». «А я ведь и вправду чокнутый» – думает он. И продолжает точить топор – но вдруг слышит на улице страшный грохот и треск. Потом крики. Потом топот бегущих ног.

Из задней комнаты его окликают Эдна:

– Том, что случилось?

По улице пробегает перепуганная девушка, в которой мистер Пайпер узнает Салли Сорго, кассиршу из супермаркета.

– Что-то стряслось в супермаркете, дорогая! – кричит он Эдне.

– Иди и погляди! – рывкает Эдна.

Она любопытна до невозможности. Не желает пропускать ни одной мелочи, которая происходит в Стоу-как-ты-там-его-называешь. А сама пойти посмотреть не может: ради экономии она всегда ходит в халате и волосы у нее вечно накручены на бигуди.

Мистер Пайпер, как был с топором, выходит из лавки и смотрит вдоль улицы.

И точно: мостовая перед супермаркетом усыпана битым стеклом, и оттуда во все стороны разбегаются люди с воплями «Помогите!». Ограбление, думает мистер Пайпер и мчится туда с топором в руке. По пути он пробегает мимо телефонной будки. Там стоит директор супермаркета, весь белый, и набирает три девятки – телефон Службы спасения. В витрине супермаркета зияет огромная дыра, вокруг развеваются обрывки объявлений о товарах недели. Когда мистер Пайпер

подбегает к витрине, в дыру вылетает белый морозильник и попадает в припаркованную машину. Из морозильника, словно кирпичи, сыплется сотни нежно-розовых мороженных кур и катятся по асфальту. Люди с криком бегут в разные стороны.

Не бежит только один человек. Это маленький мальчик с довольно длинными светлыми волосами. Когда мистер Пайпер останавливается и растерянно смотрит на скользящие по мостовой тушки, этот мальчик эта девочка этот человек приближается к нему, перескакивая через осколки.

– Как хорошо, что ты здесь, Тан-Кул! – восклицает этот человек. – Скорей, скорей! Там, в супермаркете, великан!

«Пожалуй, у ребенка расшалилось воображение, – думает мистер Пайпер, глядя на нее – прошу прощения! – него. – Она – прошу прощения! – он еще безумнее меня».

– Великанов не бывает, – горючит он. – Что случилось на самом деле?

Словно в ответ из-за разбитой витрины раздается ужасный рев. Мистер Пайпер задумывается, не пора ли протереть очки. Из дыры в витрине выпрыгивает мясник в белом

комбинезоне и улепетывает прочь со всех ног. Что-то норовит схватить его в прыжке. Что именно, разглядеть не удастся – оно мгновенно втягивается обратно, и раздаётся рев ещё громче. Звучит он точь-в-точь как ругань.

Мистер Пайпер убеждает себя, будто он не видел своими глазами огромную ручищу, которая хотела схватить мясника, и тут мальчик говорит:

– Видишь, Тан-Кул? Это была великанская рука. Он порезал палец об окно. Вот почему он ругается. Скорее бежим туда, пока он сосет палец. Вдруг внутри ещё остались люди?

Мистер Пайпер оборачивается и смотрит на директора супермаркета – тот все ещё панически верещит в телефон. Однако пока не видно ни полиции, ни пожарных. Что-то надо делать, это ясно. Мистер Пайпер утешает себя мыслью, что в супермаркете, возможно, бушует буйнопомешанный, который даже безумнее его, и говорит:

– Прекрасно. Постой тут.

И подбирается к окну, хрустя битым стеклом.

Внутри супермаркета кошмарный разгром.

Пол покрыт горками соли и стирального порошка, разбитыми банками с вареньем и лужицами постного масла. В стенах – дыры на месте выкорчеванных морозильников. Поверх всего этого тянется размотанная туалетная бумага. Однако мистера Пайпера останавливает вовсе не это – он замирает у касс, заведя в дальнем конце зала какую-то огромную грудку. Оттуда на него злобно сверкает что-то большое и круглое, окруженное чем-то вроде спутанной колючей проволоки. Неужели это и вправду великанский глаз, который глядит на него из-под великанской челки поверх подтянутых к груди великанских коленок?!

– Сдается мне, это не ветряная мельница, – с сомнением бормочет мистер Пайпер себе под нос.

– Нет, конечно, – говорит чей-то голос совсем рядом, и мистер Пайпер обнаруживает, что мальчик пролез в супермаркет вслед за ним. – Великан сидит у противоположной стены, согнув колени. Он очень высокий, и ему там не выпрямиться. Это все упрощает. Можете пойти и снести ему голову топором.

Мистер Пайпер не любит убивать даже хму

умх мух. Он совершенно убежден: огромное неизвестно что у дальней стены не более чем обман зрения. Мистер Пайпер засовывает топор под мышку и снимает очки, решив их протереть. Великан – или неизвестно что – тут же расплывается, отчего мистеру Пайперу становится значительно легче.

– Я же просил тебя постоять снаружи, – говорит он мальчику.

– Хороший бы я был помощник, если бы так поступил, – возражает мальчик. – Я прибыл из Мидлтона – это за много миль отсюда, – чтобы стать твоим учеником, Тан-Кул, и никуда не уйду!

– Вообще-то моя фамилия Пайпер, – говорит мистер Пайпер. – Я владелец лавки скобяных товаров. Почему, собственно, ты называешь меня Кол Тун?

– Да не Кол Тун, а Тан-Кул! – восклицает мальчик. – Великий супергерой!

В этот самый миг великан начинает шевелиться. В расплывчатой дымке, которую видит мистер Пайпер, проступает изогнутая белая полоса в ярд длиной, неприятно напоминающая злорадную ухмылку.

На них медленно надвигается что-то огром-

ное. Мистер Пайпер нацепляет на нос очки и видит, как огромная лапища с порезом на пальце тянется их схватить. Мистеру Пайперу и мальчику некогда разбираться, обман это зрения или нет, и они прыгают в разные стороны. Рука с ужасающим проворством пытается их поймать. Мальчик прячется за зигзагами поваленных стеллажей. Мистер Пайпер остается на виду, и его спасает лишь лужа жидкого мыла на полу. Он поскользывается, падает навзничь и теряет очки. Мальчику удастся затащить его к себе за стеллажи. Они сидят там, отдуваясь, а великан – насколько может судить мистер Пайпер – ползает по супермаркету на четвереньках, круша все на своем пути. Даже будь мистер Пайпер в очках, все равно великан очень большой и одним взглядом его не окинешь. Кругом все рушится, трещит, разъезжается.

– Что он творит? – стонет мистер Пайпер. – Задвигает дыру в витрине морозильниками и кассами, – отвечает мальчик. – А теперь загораживает морозильником заднюю дверь.

– Ой, – печально говорит мистер Пайпер. Великан снова ревет. Голос у него оглушительный, поэтому ничего толком не слыш-

но, однако мистер Пайпер все-таки разбирает слова «Свежее тепленькое мяско на ножках!» и еще, кажется, «Слышу человеческий дух». Мистер Пайпер изо всех сил старается не верить, что его поймал в ловушку великан-людоед, захвативший супермаркет. Однако стеллаж, за которым они прячутся, покачивается и сдвигается с места. С одной стороны в него вцепились четыре исполинских пальца с грязными ногтями. Мистер Пайпер и мальчик поднимаются и на цыпочках бегут за соседние стеллажи, перепрыгивая через разбитые банки солений и стараясь не хрустеть кукурузными хлопьями. Мистер Пайпер вынужден идти на запах и вообще на шестое чувство, поскольку даже пола толком не видит.

– Убей его! – шепчет мальчик. – Ты же герой! Ты не имеешь права трусить!

– Да что ты говоришь?! – шепчет в ответ мистер Пайпер.

Стеллаж, за которым они ряпчутся, тоже начинает елозить. Они на цыпочках крадутся дальше, между пирамидами консервных банок с собачьим кормом и фасолью в соусе.

– Великанов не бывает, – поясняет на ходу мистер Пайпер. – Это обман зрения.

Этот стеллаж тоже двигается, они юркают за следующий.

Тут раздается глухое урчание, оно становится все громче и громче. Если бы мистер Пайпер не бросил столько сил на логические рассуждения, он был бы готов ручаться, что это великанский победный хохот – великан гонит свою добычу от стеллажа к стеллажу в угол, где из перевернутых морозильников рассыпались мятые пачки масла и расплюснутые картонные пакеты с йогуртом. Сейчас мистер Пайпер с мальчиком будут заперты в этом углу.

Мальчик тяжело вздыхает.

– Тан... мм... мистер Пайпер, сделай мне одолжение. Давай играть, будто великан существует. Давай играть, будто через минуту мы погибнем, если ты ничего не сделаешь.

Мистер Пайпер наступает в йогурт и поскользывается. Падает коленом в полфунта масла. Великанское урчание перерастает в рев. Совет мальчика кажется неожиданно дельным. Упав на колени, мистер Пайпер грозно крутит топором над головой. Смех обрывается. Размытая фигура великана, ползущего на четвереньках на фоне окна, гля-

дит на них, склонив набок косматую голову. Потом протягивает длинную ручищу. Мистер Пайпер елозит в масле и отчаянно отмахивается топором от огромной лапы, которая норовит его схватить.

— Кинь ему банкой в лицо! — шипит он мальчику. — Пусть он встанет!

— Хорошая мысль, — кивает мальчик.

Он хватает консервную банку и кидает в великана, потом еще. Целится он метко, но сил у него мало, и отвлечь великана не удастся — тот по-прежнему ползет прямо на них.

Мистер Пайпер сам бросает в великана банкой и снова бьет топором по протянутой руке. Они хватают банки и бомбардируют великанскую башку. Великан садится напротив, большой, как гора, и только отмахивается от банок. Мистер Пайпер каждый раз бьет его по пальцам, не давая приблизиться. Он совсем утратил надежду. Великанские пальцы он видит, лишь когда они уже у него под носом. Нормально целиться банками он не может. Мальчик метко попадает великану в лицо, но тот этого даже не замечает.

В тех редких случаях, когда банки мистера Пайпера все-таки попадают в цель, великан

вскидывается и ударяется головой о потолок.

— Что там наверху? Есть что-нибудь полезное? — пыхтит мальчик.

Насколько известно мистеру Пайперу, выше этажом расположена квартира директора супермаркета. В потолке стальные балки, по крайней мере мистер Пайпер на это надеется, и можно подстроить, чтобы великан раскроил себе череп. Но тут кончаются банки. Мистер Пайпер ползет к ближайшему стеллажу и хватается оттуда первый попавшийся пакет. Мальчик бросает в великана большим куском сыра. Сыр пролетает мимо, поскольку великан держит огромной башкой. И в нее случайно попадает пакет, брошенный мистером Пайпером.

Это оказывается пакет с мукой. Мистер Пайпер и мечтать не смел о подобной удаче. Пакет попадает великану в глаз, лопаются, все лицо у великана в муке. Великан оглушительно воет — даже ушам больно. Он хватается за лицо обеими руками и — крайне непредусмотрительно! — выпрямляется. Гигантская косматая башка пробивает потолок. Великан опять воет и валится на спину, раздавив два стеллажа. А из дыры в потолке на великана лавиной обрушивается всякая вся-

чина. Сначала большой диван, потом телевизор, следом эскадрон стульев. Пока великан отдувается, наступает пауза, однако сверху доносится шум съезжающей мебели. Затем на великана падает кухонный стол, за ним – стиральная машина, большой холодильник, посудомойка и, наконец, массивная газовая плита. Газовая плита ударяет великана в живот и вышибает из него дух – великан говорит «ПУУУУУФФФФ», и вся туалетная бумага взмывает в воздух. Мистер Пайпер пробирается между трепещущими столбиками туалетной бумаги и оказывается так близко, что даже ему видно: он стоит у самой головы, которая высится крутым уступчатым холмом, стоит возле чудовищного уха. Мистер Пайпер тщательно прицеливается, замахивается топором со всей своей необычайной силы и ударяет великана обухом по исполинской башке.

Становится тихо. В итшине до мистера Пайпера доносятся сирны-прошупрощения! – сирены, крики и вопли. К витринам снаружи подъезжают машины с мигалками.

Рядом с мистером Пайпером снова возникает мальчик.

– Ты его не убил, – с укором говорит он.

«Какой кровожадный ребенок, – думает мистер Пайпер. – Неужели она – прошу прощения! – он требует, чтобы я разделал великана, словно свиную тушу, и разложил по морозильникам?» Мистеру Пайперу не хочется признаваться, что он не в силах убить даже муху. Он с достоинством отвечает:

– Я никогда не убиваю беспомощного врага. Есть такая штука – рыцарская честь! Кстати, как тебя зовут?

– П-п-п... Геро, – говорит мальчик. – Приехали пожарные и полиция. Что мы им скажем?

– Ничего, – говорит мистер Пайпер. – Выйдем через черный ход. Вот найду очки и сразу отодвину морозильник.

– Держи, – говорит Геро и сует очки мистеру Пайперу в руку.

Мистер Пайпер неловко нацепляет их на нос, а Геро объясняет:

– Я подобрал их и сунул в карман. Так и знал: стоит тебе перестать твердить, будто на самом деле ты видишь не великана, дело сразу пойдет на лад.

Мистер Пайпер переводит взгляд с мальчика на великана. Это и вправду великан – как положено, огромный и страшный, мирно сопя-

щий в груди хлама. Мистеру Пайперу становится нехорошо.

Они выходят черным ходом в тот самый миг, когда полиция врывается с улицы.

К этому времени Эдна уже сняла бигуди, облачилась в самый нарядный халат и выскочила на крыльцо. Она своими глазами видит, как полиция совершает крупную ошибку – приказывает пожарным направить великану в лицо струю из шланга, чтобы он пришел в себя и его можно было допросить. Великану это не по нраву. Ему и так уже крепко досталось. Он выскакивает из супермаркета и швыряет полицейскую машину в одну сторону, а пожарную в другую, и Эдна все это видит. После чего великан выпрямляется в полный рост – примерно сорок футов – и убегает; земля дрожит от его топота. Это зрелище совершенно завораживает Эдну, и она забывает не только отчитать брата, что он весь в йогурте и муке, но и запретить ему взять на работу замечательного нового помощника-мальчика.

Вот как мистер Томас Пайпер и его верная помощница Геро стали учиться на супергероев. По крайней мере, надеюсь, ты согласишься со мной, что так и было.

С наилучшими пожеланиями моей помощнице и начинающему супергерою, Томас Г. Линн.

Р. С. Помнится, у каждого героя должно быть свое особое оружие. Может быть, мне поискать меч? Как быть с конем? Я старался, чтобы Эдна соответствовала твоему описанию. Получилось?

Полли со вздохом положила письмо. Ей тоже казалось, что великана надо было убить.

– Ну, дочитала? – кисло спросила Нина. Она стояла у окна. – Если у тебя есть минутка, иди сюда и посмотри.

– А что? – отозвалась Полли, перед внутренним взором которой все еще простирался разгромленный супермаркет.

– А то, – с убийственным терпением ответила Нина. – Там через улицу стоит тот незнакомец, что меня преследует.

Это заставило Полли пройти через комнату к окну. «Вот удивительно, – подумала она, прижимаясь лбом к стеклу и вглядываясь в темноту, – настоящая жизнь всегда побивает любые выдумки – если она, конечно, настоящая».

– Где? Я никого не вижу.

– Под большими кустами соседей напротив.

Вон там, – ответила Нина.

Тут Полли различила очертания человека. Кажется, мальчик, натянувший на голову капюшон ветровки. Пока она

смотрела, мальчик пошевелился, потопал ногами и начал ходить туда-сюда. Замерз, наверное, стоять в темноте. Он дошел до фонаря и повернул обратно, однако под фонарем, при свете, сразу стало видно, что у мальчика аккуратная стрижка и презрительная гримаса на красивом лице. Глаза у Полли были зоркие. У нее екнуло сердце.

– Его зовут Себ, – сказала она. – Он был на похоронах.

– Зачем он за мной ходит? – прошептала Нина. – Полли, мне страшно.

Полли, чувствуя себя настоящей великой сыщицей, спросила:

– А у того дядьки, который тебя преследует, под глазами такие черные мешки?

Нина кивнула:

– Он очень страшный. Сидит в машине и пялится.

– Это папа Себа, – сказала Полли. – Мистер Мортон Лерой. Он здесь?

– Да я же тебе говорила! – раздраженно ответила Нина. – Они дежурят по очереди. Но зачем?

Полли только что прочитала письмо мистера Линна. Мистер Линн, судя по всему, считал ее отважной и безжалостной, и ей захотелось доказать – он не ошибся.

– А вот пойдем и спросим, – заявила она.

В ответ Нина ошарашенно захихикала. Ей не верилось, что Полли это всерьез.

– Никогда не разговаривай с незнакомцами, – проговори-

ла она. – Так твоя бабушка сказала.

– Он не незнакомый, я знаю, как его зовут, – возразила Полли. – И вообще он еще маленький, не считается.

– А по-моему, большой, – уперлась Нина. На это Полли не смогла отказать себе в удовольствии и строго произнесла:

– Нина Каррингтон, хватит трусить, а не то я не буду с тобой дружить!

Получилось. Шагая по лестнице, Полли слышала, как Нина топает сзади и долго ищет куртку, чтобы скрыть недостаток храбрости. Они открыли парадную дверь и вместе перешли улицу.

Увидев их, Себ попятился в тень кустов. Наверное, он не рассчитывал, что они пойдут прямо к нему и будут с ним разговаривать. Когда они дошли, Себ вжался в стену за кустами. Он тарачился на Полли и Нину, а они – на него. Себ был выше их на добрый фут. Полли подумала, что, если бы не письмо мистера Линна, она бы обязательно сбежала.

– Почему ты шпионишь за Ниной? – спросила она.

Себ посмотрел сначала на нее, потом на Нину. – Которая из вас Нина?

– Я, – сирым от испуга голосом ответила Нина.

– Тогда ты тут ни при чем, – буркнул Себ. – Мне велено следить за светленькой. А теперь валите отсюда.

– Почему? – спросила Полли.

А Нина, расхрабрившись от злости, добавила: – Никуда мы не пойдем, пока ты нам не скажешь!

Себ немного ссутулился, съехал спиной по стене, а ноги выдвинул вперед. От этого Полли с Ниной отскочили, а Себ засмеялся. Лицо у него оказалось почти вровень с ними, и их окатило волной презрения и неприязни.

– А и скажу, чего не сказать-то, – заявил он. И дернул подбородком в сторону Полли: – Когда ты была у нас дома, то кое-что взяла, было дело?

– Мне ее подарили! – воскликнула Полли. – Какая разница? Взяла же, – сказал Себ. – Я не воровка! – рассердилась Полли. – Я даже дверь не взламывала. Было открыто, вот я и вошла.

– Заткнись, – процедил Себ. – Слушай меня. Ты не ела и не пила и крутила Нигдешные вазы. Не отпирайся. Я сам видел. А отцу про это ничего не говорил – до поры до времени. Теперь у тебя передо мной должок.

– Ни слова не понимаю! – рассердилась Нина. – А ходил ты за мной, а не за Полли!

– Ты тоже заткнись, – сказал Себ, дернув подбородком в сторону Нины. – Ты сюда замешана только потому, что вы будто сиамские близнецы – то к ней пойдете, то к тебе, то в школу, и все парочкой! Не знал, что малявки такие скучные!

– Мы не скучные! – обиделась Полли.

– Еще какие скучные, просто адски! – скривился Себ.

– В аду не скучно! – с умным видом заявила Нина. Ее бесило, когда в центре внимания оказывался кто-то другой. – Там черти с вилами и костры и тысячи грешников! Вот по-

падешь туда – не соскучишься!

– Я не планирую туда попадать, – ответил Себ. – Сказал же – заткнись. Я планирую туда не попадать. – Он повернулся к Полли: – И еще я сказал, что у тебя передо мной должок.

Полли испугалась и растерялась, но все равно возразила:

– Я не отдам ее Лаурели! Она моя.

– Лаурель ничего не знает, – отозвался Себ. – Считай, повезло тебе. Ты видела... ну, кое-кого с похорон, говорила с ним?

Полли вспомнила разрозненные листки письма мистера Линна, лежащие у нее на кровати на той стороне улицы, и сердце у нее опять екнуло.

– Да, – сказала она. – Я разговариваю кое с кем с похорон – прямо сейчас.

Она от души надеялась, что Нина не заметила, от кого письмо, а если заметила, у нее хватит разума не проболтаться.

– Обхохочешься! – Себ фыркнул. – Сама знаешь, я не себя имею в виду.

К великому облегчению Полли, Нина была совершенно огорошена.

– Ладно, – проговорил Себ. – Не видела ты его, иначе я бы знал, ведь я-то торчу тут при любой погоде, слежу...

– И в школу не ходишь? – вмешалась Нина. Себ вздохнул.

– Хожу, ты, скучная малявка, да только до конца полугодия еще далеко. Заткнись. Я не с тобой разговариваю. –

Он выпрямился и развернулся лицом к Полли. – Эй, ты, это предупреждение, поняла? Не смей. Не смей общаться с тем человеком. Уразумела? Дай честное слово. У тебя должок, давай мне честное слово!

Полли смотрела снизу вверх в лицо Себа, залитое оранжевым светом с резкими тенями. Притвориться, будто она не понимает, о чем он говорит, было нельзя, и она лихорадочно придумывала, как бы не дать честное слово. И ответила неопределенно:

– Спасибо, что предупредил.

– Спасибо?! – взвыл Себ и затопал ногами от омерзения.

Полли отступила на шаг, не дыша. Кажется, он отвлекся.

– За что спасибо-то? Я тебе никаких одолжений не делал!

Просто торчу у твоего проклятого дома и нудной школы уже неделю, и меня достало, вот и рассказал! Ноги болят – опупеть можно! Вчера промок до костей...

Жаловался он долго. Полли опять стала дышать и постаралась не показывать, как она довольна собой. Ей было ясно: Себ жуткий эгоист. Собственные страдания занимают его гораздо больше, чем необходимость добиться от нее честного слова. При этом Себ оказался далеко не дурак. Он ворчал, пока Нина не начала зевать и ежиться, а потом вдруг снова напустился на Полли – она даже испугалась.

– Не забудь! – заорал он. – Нарушишь слово – за тобой буду приглядывать уже не я! Мой папа – это уже мало радости, а если Лаурель что-нибудь пронюхает, я бы не хотел

оказаться на твоём месте и за миллион фунтов!

Полли ему поверила. И задрожала сильнее Нины.

– Не забуду, – сказала она.

– А теперь проваливай! – рявкнул Себ. Полли смотрела, как он уходит. Смотрела, как он сворачивает за угол возле почтового ящика. Ушел. «Не забыть – не то же самое, что обещать, – подумала Полли. – Отлично. Я победила».

Тут она испугалась, что Себ решил вернуться: из-за угла донеслись визгливые вопли. Но это оказалась всего-навсего Нинина мама – она пришла выяснить, куда запропастилась ее доченька.

– Мой ангелочек, я ужасно волновалась! Вдруг за тобой действительно ходят...

– Не ходят, – мрачно отозвалась Нина. – Это была ошибка.

Удаляясь вслед за мамой, она сверкнула очками на Полли – озадаченно и заговорщически.

И это тоже хорошо, думала Полли, переходя дорогу. У Нины не было времени задавать вопросы, отвечать на которые Полли не могла или не имела права.

В прихожей она увидела свою собственную маму.

– Полли, что ты опять учинила? – спросила мама устало. – Без куртки, дверь нара спашку...

Полли посмотрела на нее – этот раздраженный тон она прекрасно знала. Жалко, что у Айви такой скверный характер, она ведь гораздо красивее Нининой мамы. «Не буду эгоисткой, как Себ», – подумала Полли.

– Извини, мама, – сказала она. – Что случилось?

– Ничего не случилось, – ответила Айви, снова каменея. –

Не сочиняй!

– Ты плакала, – пояснила Полли.

– Вот вбила себе в голову! – воскликнула Айви. – Иди в свою комнату и хватит пичкать меня своими выдумками!

Полли побрела наверх, попытавшись пожать плечами. Ладно, у мамы плохое настроение. Что толку, если Полли тоже расстроится? Она решила доказать, что не расстраивается, и еще раз перечитала письмо мистера Линна. Потом задернула занавески – вдруг Себ все-таки вернется? – достала бумагу для писем в розочках, которую подарили ей на день рождения, и самую лучшую ручку. Встала на кровать на четвереньки попой кверху, так что волосы падали на письмо, и самым красивым почерком написала мистеру Линну ответ. Его письмо вообще заслуживало хорошего ответа, но Полли старалась из-за Себа, а еще из-за мамы, хотя при чем тут мама, она сама не понимала.

Дорогой мистер Линн!

Ваше письмо очень хорошее и интересное, только вы насамом деле не такой как мистер Пайпер. Надо было вам убить великана, как вы сказали что я сказала. Типерь отвечаю на вопросы. Да у героев всигда есть оружие, только вам меч не нужын, у вас уже есть топор. А конь нужын. Святой Георгий убивал драконов на коне. Эдна получилась правильно только она еще противнее. Она зануда.

И жутко нелюбит, что мистер Пайпер читает книжки, и бедняге приходится прятать их в обложки полезных книг вроде «Краткая история гваздей», если толстые, или «Сорта жылеза», если тонинькие, и читать тайком, пока Эдна смотрит телик.

Надеюсь у вас все хорошо.

На этом Полли хотела закончить, но тут снова вспомнила про Себа. Ее осенило. Она немного пожевала ручку, а потом дописала:

У мистера Пайпера есть плимянник, Эдна его мама, зовут Лесли. Он очень невоспитанный мальчик и издается, если мистер Пайпер делает ему хорошее. Лесли стесняется мистера Пайпера, думает, он сумашедший. Великана он невидел.

Это все. Пока до свидания.

Полли

Она положила письмо в конверт и аккуратно надписала адрес. Спустилась вниз попросить у мамы марку из сумочки. Айви сидела за кухонным столом и притворялась, будто читает журнал, а про ужин, похоже, даже не начинала думать, Полли взяла марку без разрешения, лизнула и приклеила. И вернулась в кухню. Айви все сидела.

– Мам, – тихо окликнула Полли, – может, я пойду куплю на ужин рыбу с жареной картошкой?

Айви вздрогнула.

– Полли, слушай, хватит относиться ко мне будто к тяже-

лобальной!

Полли попятилась – ну вот, из-за нее у мамы теперь уже не хандра, а приступ недовольства, – и тут Айви задумчиво проговорила:

– Что-нибудь китайское. Да, китайское. Или хочешь индийское, а, Полли?

Полли не любила ни карри, ни сурового продавца в кулинарии при индийском ресторанчике.

– Китайское, – кивнула она. – Ну, я схожу? Айви почему-то не стала, как обычно, сердиться, что Полли собирается на улицу одна поздним вечером, а просто сказала:

– Деньги в сумочке. Осторожней переходи дорогу.

Полли нашла несколько фунтовых бумажек и спрятала их под письмо в хозяйственной сумке. Она осторожно вышла в темноту под морозящий дождь. Себа видно не было. Тем не менее Полли воровато сунула письмо в почтовый ящик на углу, оглядываясь по сторонам, словно это был самый постыдный поступок в ее жизни. Она не сомневалась, что нарушила слово, которое, по мнению Себа, она ему дала. А потом двинулась к китайской закуской, чувствуя себя настоящим героем.

4

*Когда он на коне летит
Быстрее, чем буйный ветер,
То отблеск золотых копыт
Милей всего на свете.*

Тэмлейн

В те дни Полли ни за что бы не поверила, что письмо, опущенное в ящик, и вправду дойдет куда нужно. Когда через неделю она получила ответ, то была потрясена до глубины души. К этому времени она, можно сказать, забыла про мистера Линна, поскольку страшно волновалась из-за папы. Папы не было уже долго-долго, и Полли заподозрила, что ни в какой рейс он не ушел. Наверное, он умер, а мама почему-то забыла ей сообщить. Все это пришло ей в голову потому, что хандра у мамы прошла и она вела себя как обычно, только Полли понимала: все это для отвода глаз и на самом деле хандра у мамы внутри и никуда не делась. Спрашивать Полли боялась: что, если папа и правда умер? Она вообще боялась что-нибудь спрашивать у Айви – вдруг та в ответ скажет про папу? Однако насчет письма от мистера Линна пришлось спросить. Мистер Линн нацарапал его крупным корявым почерком, и Полли ни слова не разобрала.

Айви читала письмо и хмурилась.

– Ерунда какая-то. Он просит тебя встретиться с ним и

выпить чаю в следующий раз, когда он будет в Лондоне. Интересно, сколько тебе лет, по его мнению? «Нужно многое обсудить...» Что обсудить? Он вообще кто?

Полли беспокойно заплясала по комнате.

– Играет на виолончели в Британском филармоническом оркестре, – ответила она, продолжая приплясывать. – Бабушка его знает. Хочешь – позвони бабушке и спроси.

Айви, похоже, с бабушкой не ладила. Она стояла вся в сомнениях и недоверчиво смотрела на письмо.

Полли от нетерпения запрыгала на месте. Потом замерла и осторожно попросила:

– Мама, ну пожалуйста. Он ужасно славный. Написал мне то длинное письмо – помнишь? Понимаешь, он начинающий супергерой, а я его помощница...

– Ох, – сказала Айви. – Опять твои выдумки. Полли, сколько раз я тебе говорила: не втягивай взрослых в свои игры! Ладно...

Она умолкла и задумалась. Полли не дышала и изо всех сил старалась не приплясывать.

– Мне все равно надо будет в город, – сказала наконец Айви, – к адвокату, про которого я говорила. Я собиралась закинуть тебя к Нине, но, по-моему, все уже думают, будто ты там поселилась. Если этот мистер Линн действительно не против за тобой присмотреть, могу завезти тебя к нему.

Айви позвонила мистеру Линну. Пока она звонила, Полли вспомнила – ее прямо-таки встряхнуло, словно кто-то прыг-

нул ей на живот обеими ногами, – о честном слове, которое она не дала Себу, а он думал, будто дала, и о том, что он пригрозил ей мистером Лероем и Лаурелью. Ей вдруг стало страшно: что, если кто-нибудь из них прослушивает телефон и слышит, как Айви говорит с мистером Линном своим резким, неприветливым телефонным голосом? Но вроде бы все обошлось. Айви повесила трубку и сказала:

– Кажется, он ничего. Спрашивал, что ты любишь к чаю. Полли, не разрешай себя баловать и не приставай к нему.

Она повторяла эти слова – точь-в-точь автомат! – следующие несколько дней и всю дорогу в поезде до Лондона. Полли слушала, но не слышала. Теперь, когда ей стало страшно, она вся тряслась. Волновалась, конечно, но еще и тряслась. Они сели в поезд со всеми остановками на станции Мейн-Роуд, и Полли только и могла думать, что о странных пустых глазах Лаурели. Ей показалось, будто до вокзала Кингс-Кросс они доехали за полминуты. Полли подумала, как быстро, должно быть, соображает мистер Линн, раз выдумал всю историю про великана, пока ехал в поезде.

– Полли, не разрешай себя баловать и не приставай к нему, – сказала Айви, когда они вышли на платформу. – Полли, Полли, сил моих нет! Ну что ты озираешься?

Полли озиралась в поисках Себа или мистера Лероя. Она была уверена – они где-то здесь и даже если и не знают, зачем она приехала, все равно сразу догадаются: она же вся разнаряженная, в парадном платье. Самое непонятное,

что от страха она преисполнилась еще большей решимости увидеться с мистером Линном. «Наверное, я все-таки храбрая», – подумала она.

Айви схватила дочь за запястье и потащила по лестнице на стоянку такси. Все это время Полли озиралась. Они взяли такси и назвали адрес мистера Линна, так как Айви знала, что адвокатская контора там где-то поблизости. Полли смотрела в заднее стекло – проверяла, не едут ли за ними другие такси с Себом внутри. Или большие роскошные машины, внутри которых сидит Лаурель. У Лаурели наверняка есть личный шофер, это уж точно. А сама Лаурель будет сидеть рядом в темных очках. Полли заметила очень похожую даму и испугалась до тошноты. Но это оказалась совсем другая дама. Тем временем Айви твердила адрес адвокатской конторы, а Полли должна была его повторять. Обе говорили как автоматы.

– Скажи ему, пусть приведет тебя туда ровно в полшестого, – повторила Айви, когда такси остановилось. – И не разрешай...

– Не разрешать себя баловать и не приставать. Знаю, – отозвалась Полли и вылезла на тротуар.

И тут же все забыла – от радости, что очутилась на пустой улице, где нет ни Себа, ни мистера Лероя, ни, главное, Лаурели.

Дом, где жил мистер Линн, был лондонский-прелондонский – с высоким крыльцом, ровными рядами окон и кучей

звонков у двери. Полли нашла звонок с табличкой «ЛИНН» и нажала кнопку. Дверь тут же открыла шикарная молодая дама в тугих джинсах. На обтянутом джинсовкой бедре дама держала младенца и так весело улыбалась Полли, что девочка тут же вообразила, будто это миссис Линн. Оказалось – нет. Дама обернулась и крикнула:

– Эй! Третий этаж! К Линну!

Мистер Линн уже бежал вниз по обшарпанной лестнице.

– Извините за беспокойство, Карла, – сказал он. – Привет, Полли... То есть, конечно, Геро.

– Ничего, я все равно уйду, – отозвалась Карла.

Выволокла из-за двери коляску и потащила с крыльца, считая ступеньки, а Полли застыла на месте и некоторое время мучительно соображала, что говорить.

Полли помнила мистера Линна человеком-черепашкой и страусом в золотых очках – да он и сам так написал в письме, – в общем, существом смешным и жалким, вот почему она страшно растерялась, когда обнаружила, что он вполне нормальный, просто очень высокий и тощий. Хуже того, мистер Линн тоже мучительно соображал, что говорить. Они стояли и тарасились друг на друга.

На мистере Линне были джинсы и старый свитер. Наверное, поэтому он настолько изменился.

– А так вам лучше, чем в том костюме, ну, на похоронах, – выдавила Полли.

– Я хотел сказать то же самое про твое платье, – по обык-

новению вежливо ответил мистер Линн. – Ты хорошо доехала?

– Да, хорошо, – кивнула Полли.

И уже собиралась рассказать, как боялась, что мистер Лерой и Лаурель выследят ее, но вдруг решила промолчать. Более того, про них и упоминать было нельзя, в этом она была уверена. Откуда взялась такая уверенность, Полли сама не понимала, но уверена она была. Она прикусила язык и стала соображать, что говорить вместо этого. Было неловко, словно в первый день в новой школе.

В сущности, все и было словно в первый день в новой школе. Он тянется вечно, и все в нем незнакомое, а на следующий день уже кажется, будто ты сто лет здесь учишься. Наконец Полли придумала, что говорить:

– Карла – ваша домоправительница? Мистер Линн ответил:

– Да.

– Она совсем не похожа на Эдну! – воскликнула Полли.

– Нет, конечно, ведь Эдна живет в Стоу-не-помню-что-там-дальше, – сказал мистер Линн.

Тут все наладилось. Они поднялись по лестнице, наперебой рассказывая друг дружке, какая Эдна противная и в чем именно это проявляется, и, не переставая болтать, вошли в квартиру мистера Линна.

Квартира мистера Линна, по мнению Полли, была самая уютная на свете, – ничего похожего она в жизни не видела.

Обстановка была совсем не пышная, не то что в Хансдон-хаусе, и даже не очень красивая, не то что у Полли дома. Вещи были разбросаны, но не как попало – как попало их разбрасывали у Нины, – однако и чистотой квартира не сияла, в отличие от бабушкиной. В ванной, например, творилось то же самое, за что Полли всегда попадало. Девочка обошла всю квартиру. Комнат было три. У мистера Линна оказалась целая стена книжных полок, а еще – огромные груды нот, пюпитр, сложившийся у Полли в руках, и старое обшарпанное пианино. Еще у него стояли два огромных черных футляра, снаружи обшарпанные не меньше пианино, но, когда Полли их открыла, внутри каждого оказалась виолончель – сияющая, светло-коричневая, словно каштан в кожуре; виолончели, наверное, были даже драгоценнее каштанов. Полли с восторгом узнала висевшую на стене китайскую картину с конем, а над камином – картину с оркестром. Остальные картины стояли прислоненные к стенам. Мистер Линн сказал, что еще не придумал, куда их повесить. Еще бы. Стены были сплошь покрыты прикнопленными плакатами, афишами и рисунками без рамок.

– Квартира у меня самая обычная, – сказал мистер Линн, – и у нее есть один серьезный недостаток: звукоизоляция здесь не блестящая. К счастью, соседи, похоже, любят музыку.

На самом деле он очень обрадовался, что квартира пришла Полли по душе. И спросил, любит ли Полли музыку.

– Одна из тем, которую нам еще не случилось затрагивать, – пояснил он со своей обычной вежливостью.

Полли призналась, что не слишком хорошо знает музыку. Тогда он поставил пластинку, которая, по его мнению, могла ей понравиться, и Полли решила: да, музыку она любит. После этого мистер Линн позволил ей самой ставить пластинки и записи, какие захочет, – а папа дома никогда не разрешал. Музыка у них играла все время. Под нее Полли жарила гренки на газовой плите, а мистер Линн намазывал на них ужасно много масла и меда, и Полли ела их очень осторожно – боялась капнуть на свое нарядное платье.

Съела она целую гору. Играла музыка, и они обсуждали Эдну. Вскоре они уже прекрасно знали, какое узкое у нее лицо и какой у нее мерзкий лающий голос. Полли сказала, что из Эдниного халата лезет ватин, поскольку Эдна жутко скаредная и не хочет покупать себе новый, а бедному мистеру Пайперу дает совсем мало денег – еле-еле хватает на табак.

– Ему пришлось бросить курить, чтобы покупать книжки, – сказала она.

– Сочувствую ему, – сказал мистер Линн. – Мне тоже пришлось бросить курить, чтобы купить хорошую виолончель. А на что копит Эдна?

– Дает деньги Лесли, – ответила Полли.

– А, этот вредина Лесли, – вспомнил мистер Линн. – Насколько я мог судить по твоему письму, он темноволосый, надутый и довольно крепкого сложения. И безобразно избе-

лованный, разумеется. Может быть, Эдна копит ему на мопед?

– Для мопеда он еще маленький, но потом она обязательно ему купит. Она покупает ему все, что он пожелает, – сказала Полли. – Недавно купила сережку в виде черепа с бриллиантовыми глазами.

– В виде черепа, – согласился мистер Линн, – причем благодарности Эдна так и не дождалась. А с новым помощником он ладит?

– Мы друг друга ненавидим, – сказала Полли. – Но мне приходится вести себя с Лесли вежливо – вдруг он догадается, что я не мальчик?

– И еще ты боишься рассердить Эдну, – сказал мистер Линн. – Стоит Лесли наябедничать, и она тут же вышвырнет тебя вон.

Когда они договорились насчет Лесли и описали друг другу лавку – а это заняло много времени, ведь они все время придумывали что-нибудь новенькое, – то перешли к самому Тан-Кулу.

– Пока мне про него не все понятно, – с сомнением говорил мистер Линн. – Какое отношение он имеет ко мне? То есть что происходит, когда он кому-то нужен? Мне нужно превращаться в мистера Пайпера, когда надо стать Тан-Кулом, или я превращаюсь в Тан-Кула прямо отсюда?

Полли нахмурилась:

– Все вообще по-другому. Не задавайте лишних вопросов.

– Ну отчего же? – учтиво возразил мистер Линн. – Мои вопросы не лишние, не отмахивайся от них, прошу тебя. Для меня это сейчас самая важная часть всех геройских дел, и я думаю, мы должны с самого начала все уладить. Итак, я могу превращаться прямо в Тан-Кула или нет?

– Д-да, – сказала Полли. – Наверное. Только все не так просто. Мистер Пайпер – это тоже вы.

– Но при этом мне не надо мчаться в Как-его-там-на-Измучине и отправляться на подвиги оттуда?

– Нет. И мне тоже, – сказала Полли.

– Очень хорошо, так гораздо удобнее, – одобрил мистер Линн. – И все равно подумай, ведь будет страшно неловко, если меня призовут во время концерта или тебя – во время контрольной! Кстати, как нас вообще призывают?

Полли заподозрила, что он над ней посмеивается.

– Ну, иногда происходит всякое и нам надо вмешаться, вот и все, – ответила она. – Я так думаю. Вроде как с великаном. Слышишь грохот и бежишь.

– С топором наперевес, – согласился мистер Линн. – Посоветуй, где держать топор, когда я в Лондоне.

Полли с улыбкой обвела взглядом комнату. Ответ был настолько очевиден, что ей даже не пришлось показывать пальцем.

– В футляре от виолончели, будто гангстер?! – засомневался мистер Линн. – Ну что ж, пожалуй, можно заказать для него атласную подушечку.

Полли с подозрением покосилась на него:

– Вы надо мной смеетесь!

– Вовсе нет! – Кажется, мистер Линн был огорошен. – Как можно! Но по-моему, ты не представляешь себе, сколько стоит хорошая виолончель.

Это было непонятно – так подумала Полли и тогда, и потом, и девять лет спустя, когда вспоминала этот эпизод. Она никогда не могла определить, насколько серьезно мистер Линн относится ко всей их героической истории. Случалось – вот и тогда, например, – что он, похоже, смеялся и над собой, и над Полли. А иногда – например, сразу после этого – был гораздо серьезнее, чем сама Полли.

– Правда, я все равно не понимаю про Тан-Кула, – задумчиво проговорил он, обхватив колени своими большими руками (они с Полли сидели на разных концах каминного коврика). – Где он – ну, или я – находится, когда совершает свои подвиги? А драконы и великаны – они разгуливают здесь и сейчас или где-то совсем в другом месте?

Если бы такой вопрос задала Нина, Полли ответила бы, мол, это не по правилам игры. Но от мистера Линна было так просто не отделаться, это он ей уже показал, да и говорил он серьезно. Полли отодвинула пустые тарелки и привстала на колени, чтобы подумать как следует. Волосы ей мешали, и она заправила их за уши.

– Ну, и то и другое, – протянула она. – То место, откуда они берутся и где совершаешь подвиги, – это здесь, но и не

здесь тоже. Это... Ох, зачем вы только спросили! Я не могу объяснить!

– Не сердись! – взмолился мистер Линн. – Может быть, для этого действительно нет слов.

Нет, слова были – это Полли вскоре поняла. В голове у нее возникли две каменные вазы, которые вертелись одна медленно, другая быстро, а потом останавливались, и на каждой было по половине слова. Одновременно она явственно увидела презрительную гримасу Себа.

– Нет, есть, – возразила она мистеру Линну. – Они будто те вазы. Здесь, Сейчас и Нигде – HERE, NOW и NOWHERE.

При этих словах мысль о Себе стала яркой-яркой, и Полли почувствовала себя так, словно уже рассказала мистеру Линну, как Себ пытался добиться от нее обещания не видеться с ним.

– Нигде, – повторил мистер Линн. – Здесь и Сейчас. Да, я понял.

Про Себа он вообще не думал. Полли не знала, радоваться этому или сердиться. Потом он добавил:

– В письме ты упоминала о коне. Надо полагать, о Нигдешнем. Какой у меня конь? А у тебя он есть?

– Нет, – ответила Полли. Ей бы понравилось, если бы у нее был конь, но коня у нее не было, это она знала точно. – Ваш Нигдешний конь похож на этого. – Она показала на картину с китайским конем, висящую на стене.

Они разом подняли головы и поглядели на картину.

– Мне бы хотелось не такого норовистого, – признался мистер Линн. – Этот, конечно, кусается и лягается. Полли, я на нем и пяти секунд не продержусь.

– Надо постараться, – сурово ответила Полли. Мистер Линн покорно кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Может быть, если я буду говорить с ним по-китайски... а кстати, где я вообще взял этого свирепого зверя?

Они обдумали разные варианты встречи мистера Пайпера с конем, и тут мистер Линн случайно взглянул на часы.

– Когда твоя мама хочет тебя забрать? Она сама сюда зайдет?

– В полшестого, – ответила Полли.

И на один ужасный миг ей почудилось, что она забыла адрес адвоката. Она ведь не слушала маму в такси. Но Айви заставила Полли его затвердить, и адрес все-таки запал в память. Оказалось, девочка в состоянии его продекламировать.

Мистер Линн поднялся, раскладываясь, словно телескоп.

– Хорошо, что это тут недалеко. Пойдем. Если хотим успеть к половине шестого, нам пора двигаться.

Полли взяла куртку. Мистер Линн натянул ветровку, некогда блестящую, а теперь выношенную, будто халат Эдны, и они спустились по пустой гулкой лестнице и вышли на улицу, где уже темнело. Вот странно: Полли даже забыла оглядеться и проверить, не следят ли за ней мистер Лерой

или Лаурель. Улица была по-лондонски шумная и оживленная, и Полли думала только о том, как хорошо, что можно вцепиться в руку мистера Линна, и как она рада, что он повел ее коротким путем по узким улочкам, где машин было меньше и даже попадались деревья. На деревьях еще остались редкие трепещущие листочки. Полли думала, что в оранжевом свете фонарей эти листочки становятся точь-в-точь как золотые, – и тут из-за угла послышался непонятный шум.

Шум состоял примерно из семи разных звуков. Бешено сигналил автомобиль. К гудку примешивался жуткий скрежет тормозов и деревянный треск. Все это происходило на фоне гневных восклицаний и воплей на несколько голосов. Однако основной темой, которая ясно показывала, что это не просто авария, были металлические удары и пронзительные, душераздирающие крики – Полли в жизни не слышала, чтобы в криках было столько паники.

Мистер Линн и Полли переглянулись.

– Как ты думаешь, надо пойти посмотреть? – спросил мистер Линн.

– Да, – ответила Полли. – Может быть, это работа для нас.

Она, конечно, вовсе так не считала и понимала, что и мистер Линн тоже так не считает, тем не менее ей показалось, что сейчас надо сказать именно это.

Они повернули за угол. Мистер Линн сказал: – Ничего себе! – и тут в одно мгновение случилось сразу все.

Весь этот шум поднял конь. Он летел по узкой улочке, волоча поводья, метался из стороны в сторону и вставал на дыбы, когда кто-то пытался его поймать или, наоборот, убегал от него – понять было трудно. Позади коня стоял развернутый поперек улицы автомобиль с разбитой фарой. Из окна автомобиля высовывался сердитый водитель и что-то кричал. А конь – огромный, сияющий, золотой в свете фонарей – заскользил, топча разбитое стекло, едва увернулся от чьих-

то рук, тянувшихся схватить поводья, и ринулся, молотя копытами, на Полли и мистера Линна, и кричал, кричал – совсем как человек, а вовсе не ржал по-лошадиному. На один миг, пока мистер Линн говорил: «Ничего себе!», Полли увидела его глаза за освещенными оранжевым стеклами очков, эти глаза смотрели на нее, круглые, серые, изумленные. Тут конь едва не налетел на них – и встал на дыбы.

Полли так и не смогла простить себе, что держалась тогда совсем не как помощница супергероя. Она завизжала чуть ли не громче коня и присела на корточки, закрыв голову руками. Конь был громадный. Он высился над ней, словно золотая башня из плоти и крови, и молотил воздух железными подковами, и кричал, и кричал. Полли видела огромный глаз, вертящийся шар, окрашенный белым и сине-коричневым, пронизанный красными прожилками и запутавшийся в светлой конской шерсти, видела стекающие по бокам капли, похожие на пену от жидкого мыла, видела большие квадратные зубы. Она понимала, что конь обезумел от страха, и визжала, визжала...

И вдруг услышала голос мистера Линна:

– Держи.

В ее поднятую руку легла какая-то твердая штуковина, похожая на восьмерку. Пальцы Полли сомкнулись, но не подсказали ей, что это. Она сидела и визжала среди мечущихся теней, и вот передние копыта ударили в мостовую рядом с ней, у самых ног мистера Линна. Потом ударили задние ко-

пыта. Сутулое плечо мистера Линна врезалось коню в бок, когда тот поднял задние ноги, собравшись лягнуть Полли, и сдвинуло коня ровно настолько, чтобы в Полли он не попал. Потом мистер Линн ухватил поводья, свисающие у коня с носа. Раздался яростный топот и ржание. Из-под копыт летели искры, бледные в оранжевом свете, и мотающаяся приплюснутая голова, скорее змеиная, чем конская, дернулась к руке мистера Линна, чтобы вонзится в нее огромные зубы.

Мистер Линн произнес удивительные слова – раньше Полли думала, что такие слова знают только папа и мусорщики, – и резко дернул поводья вниз. Снова взметнулись копыта и искры, и конь с мистером Линном затопали в сторону от Полли и разбитого автомобиля. Конь перестал кричать. Полли было хорошо слышно, что говорит мистер Линн. Отчасти он обращался к коню, а отчасти, похоже, просто ругался. Полли даже хихикнула: мистер Линн тоже вел себя совсем не как супергерой. Да и с виду не был похож на супергероя. Пока конь топтался перед разбитым автомобилем, описывая полукруг, а мистер Линн болтался на поводьях, вцепившись в них обеими длинными руками, больше всего он напоминал орангутанга или гиббона. Волосы, которые не смог расчесать даже ветер на похоронах, свесились на лицо, а очки мистера Линна, кажется, потерял.

Тут пальцы Полли вспомнили про похожий на восьмерку предмет, который она сжимала в руке. Она посмотрела вниз – это оказались очки в золотой оправе. Полли поднялась на

ноги, попятилась и прислонилась к стене, бережно держа очки. Вот был бы кошмар, если бы она разбила очки мистера Линна! Конь скользил по осколкам стекла.

– Гляди, куда ножищи ставишь, так тебя растак, безмозглая тварь! – сказал ему мистер Линн.

Судя по всему, еще несколько секунд – и он заставит коня встать смиренно.

Из разбитого автомобиля вылез сердитый водитель и завопил скандальным голосом:

– Ну знаете ли! Это ваша лошадь, пропади вы пропадом? Да я из-за нее чуть на тот свет не угодил!

От этого конь опять взбесился. Он весь превратился в клубок оранжевой брыкающейся паники и поднялся на дыбы, а мистер Линн отчаянно повис на поводьях. И затейливо обругал сначала коня, а потом водителя.

– Нет, это не моя лошадь! – добавил он. – Прочь с дороги!

Конь умудрился оторвать от земли заднюю ногу и нацелиться в водителя, еще не опустив передних. Водитель улепетнул. Мистер Линн заорал коню, что его дедушка был осел, страдавший венерической болезнью, и велел ему «бросить эти фокусы». И они вдвоем снова заметались по улице. Прогрохотали копытами у Полли перед носом – мистер Линн по-прежнему болтался на поводьях. Полли чувствовала, как от лошади расходятся волны страха. Она невольно прижала обе руки вместе с очками мистера Линна ко рту, сдерживая рвущийся наружу визг. Прямо перед ней прошли огромные,

выгнутые, золотые задние ноги – таких мускулов она и представить себе не могла, – и хвост хлестнул ее по лицу, будто ее собственные волосы на ветру, только сильнее, и от него пахло гарью. «Кто-то подпалил его, – подумала Полли. – Испугаешься тут!»

Внезапно Полли поняла, что водитель стоит рядом с ней и тоже смотрит вслед мистеру Линну с конем.

– Откуда я знал, что эта растреклятая лошадь не его? – пожаловался он Полли. – Он с ней будто хозяин!..

– Тихо, – отозвалась Полли сиплым от визга голосом. – Мистер Линн сейчас герой.

Водитель оказался человеком неблагодарным. – Все равно зря он меня обругал! – буркнул он.

Полли не ответила, и он махнул на нее рукой и пошел жаловаться кому-то из толпы в конце улицы. И все время, пока мистер Линн успокаивал коня, повиснув на поводьях, Полли слышала, как водитель рассказывал кому-то, мол, лошадь будто с неба свалилась прямо перед машиной и надо запретить держать таких диких зверей.

Наконец конь затих, весь в оранжевых отблесках на потеках пены, и лишь махал хвостом. Ноги у него тряслись каждая со своей скоростью. Полли медленно пошла к нему, глядя, как по всему его телу, от спины до копыт, сверху вниз пробегает дрожь. Мистер Линн гладил коню нос и нежно шептал ему скверные слова.

– Ах ты, ходячие кошачьи консервы, – донеслось до Пол-

ли. – Мослы безмозглые. В Бельгии лошадей и не за такое едят.

Полли еще не успела дойти до мистера Линна, когда зеваки по сторонам дороги толпой двинулись вперед.

– Вон они, – сказал кто-то. – Помогите же ему наконец!

Конь задрожал и затопал.

– Отойдите, а? – бросил мистер Линн через плечо.

Все, в том числе Полли, благоразумно замерли. Два низеньких озабоченных человечка в грязных свитерах обежали разбитый автомобиль и не без робости подошли к мистеру Линну и коню.

– Спасибо, сэр, – сказал один из них. – Я думал, мы его никогда не поймаем.

– Мальчишки взорвали петарду у него в стойле, – пояснил второй.

– То-то я почувал запах горелого, – отозвался мистер Линн.

Конь тоже отозвался – по-своему: он опустил голову и разрешил одному из человечков угостить себя мятной конфеткой. Мистер Линн передал поводья второму человечку.

Тогда и водитель, и прочие окончательно поняли, кто настоящие хозяева коня. Они столпились на почтительном расстоянии и стали громко предъявлять человечкам претензии.

– Взбесившийся зверь!.. Разбил машину!.. Ваша лошадь всю улицу перепугала!.. Она опасна для общества!.. Надо было ее держать!.. Моя мама в панике, а она же старенькая... Все переломали... Полиция...

Среди всего этого гомона мистер Линн непонятно как отыскал Полли и протянул к ней длинную руку. Полли вложила в нее очки.

Мистер Линн благодарно улыбнулся и нацепил их. И тут же снял.

– Ничего не вижу. Они все грязные, – поморщился он.

С одной стороны от него оказался водитель и хотел схватить его за локоть. С другой очутились два маленьких человечка и хотели сказать ему спасибо. Мистер Линн явно смутился. Полли увидела, что лоб у него блестит от пота.

– Полли, – сказал мистер Линн. – Ищи черный ход.

Полли огляделась. В дальнем конце улицы собрались новые зеваки и притормозила, прошуршав колесами, полицейская машина.

– Ну наконец! Когда надо, их не дозовешься! – воскликнул кто-то.

Полли сообразила: если они не уйдут прямо сейчас, то ничем не окажутся у адвоката в полшестого.

– Сюда, – велела она. – Скорей. – И потащила мистера Линна за разбитый автомобиль, где улица была пустая.

Гвалт стал громче и удивленнее, потом утих, а Полли все тащила и тащила мистера Линна.

– Полиция приехала, – объяснила она.

– Спасибо! – сказал мистер Линн. Он тер очки носовым платком. – Веди меня, а то я буду извиняться перед крылечками и фонарными столбами. Без очков ничего толком не

вижу.

Похоже, так оно и было. Полли пришлось направлять мистера Линна, чтобы обойти три мусорных бачка, большие полиэтиленовые мешки и велосипед. Без очков и со свисающими на лоб волосами лицо мистера Линна выглядело непривычно. Оно стало словно бы длиннее и глаже – больше похоже на настоящее лицо. А вот глаза у него вовсе не были заплывшими, не то что у Нины.

– Как вы коня-то разглядели? – спросила Полли.

– Он довольно большой, его трудно не заметить, – ответил мистер Линн извиняющимся тоном. А потом добавил уже другим голосом: – И все-таки – непостижимо! Вот только что мы говорили о моем коне... Можно подумать, будто...

– Можно, – согласилась Полли. – Правда, цвет у него неподходящий для китайского коня.

– Фонари, – пояснил мистер Линн, когда Полли вела его мимо крыльца.

Локоть у него был костлявый и заметно дрожал. Полли вцепилась в этот локоть обеими руками, чтобы удобнее было вести мистера Линна, и смотрела снизу вверх в растерянное, голое без очков лицо. Ей надо было столько ему сказать, причем сказать до того, как он наденет очки и увидит ее. Полли набрала побольше воздуха:

– Я вам совсем не помогала. Ужасно испугалась.

– Ты не смогла бы остановить коня, у тебя веса маловато, – ответил мистер Линн. – Просто болталась бы на поводьях.

«Это он из вежливости», – решила Полли. Мистер Линн кончил протирать очки, как раз когда они дошли до конца улицы, и нацепил их. Посмотрел на табличку с названием улицы, потом на часы и зашагал гораздо быстрее в том направлении, куда им было нужно.

– Я тоже перепугался до полусмерти, – сказал он, – если тебя это утешит.

– Но вы хоть что-то делали! – возразила Полли, окончательно запыхавшись от спешки.

Они дошли до следующей улицы, и только там у нее открылось второе дыхание.

– Откуда вы знали, что делать? – спросила она. – Вы знали!

Они свернули за очередной угол, причем Полли так и крутанулась на длинной руке мистера Линна.

– Лаурель научила меня обращаться с лошадьми, – сказал мистер Линн.

Они очутились напротив небольшого парка. Вся ограда была завешена афишами с надписями: «КЛОУНЫ, КЛОУНЫ, КЛОУНЫ!!!» На деревьях петлями болтались цветные электрогирлянды. «ЦИРК ДЖЕКА» – гласил полотняный транспарант над воротами. Играла музыка, пахло потоптанной травой и зверями. Полли разглядела бело-оранжевое сияние огромного шатра над будкой билетера у входа.

– Ага, вот откуда взялся этот конь! – сказал мистер Линн. – А я-то думал... – Он посмотрел на Полли сверху

вниз. – Ты как?

– Да ничего, – уныло ответила Полли. Мистер Линн замедлил шаг и посмотрел на Полли внимательнее.

– Послушай, – сказал он. – Ты же наверняка понимаешь: когда герои совершают свои подвиги в нынешние времена, у всего должно быть подходящее современное объяснение. Если все догадаются, что я на самом деле Тан-Кул, будет нехорошо, верно ведь? Этот цирк – всего лишь прикрытие.

Полли благодарно улыбнулась, хотя в глубине души понимала: в том, что с ней делается, виноват не цирк, а то, каким голосом мистер Линн говорил о Лаурели.

– Неважно, – сказала она, когда они зашагали дальше. – Все равно вы герой. Если не считать ругани. Но это тоже, наверное, для отвода глаз.

Мистер Линн коротко и виновато хохотнул. Значит, так он смеялся не только на похоронах. Так он смеялся всегда.

– Считай это симптомом новичка, – сказал он. – Опытные герои никогда не ругаются.

– Я тоже буду героем, – пропыхтела Полли. – Вот прямо сейчас и начну учиться.

Когда они добрались наконец до адвоката, было уже поздно и мама стояла на тротуаре, а рядом ждало такси. Мама была в таком состоянии, что едва взглянула на мистера Линна.

– Полли, идем! – бросила она. – Час пик, я не представляю себе, когда мы доберемся домой. Попрошайся! – добавила она, загружая Полли в такси.

Это был единственный знак внимания мистеру Линну, который учтиво открыл перед мамой дверцу. И когда такси тронулось, не мама, а Полли спохватилась и крикнула:

– Спасибо, что присмотрели за мной! Странно, что Айви не напомнила ей о вежливости, – обычно она придавала этому очень большое значение, – однако по всему было видно: мама, как говорится, в полном раздрае.

К несчастью, раздрай был молчаливый. Полли не терпелось рассказать маме про чай, про квартиру мистера Линна, а главное – про коня, но Айви сидела, отгородившись своим молчанием, словно колючей проволокой, и Полли прекрасно понимала: нарушать его не стоит. Народу в поезде было столько, что Полли пришлось примоститься у мамы на коленях, а колени эти из-за раздрая были острые и неудобные.

За всю дорогу в поезде Айви сказала только: – Ну вот, Полли, я сделала важный шаг.

«И я, наверное, тоже, – подумала Полли с угрюмым волнением. – Я повидалась с мистером Линном, хотя мне это запретили». Но в голове у нее вертелось лишь одно – как негероически она визжала и приседала на тротуаре и вообще не помогала мистеру Линну.

Когда они добрались домой, Айви даже не заглянула в холодильник и не предложила купить рыбы с картошкой, а села за кухонный стол и завела с Полли разговор.

– Думаю, я должна кое-что тебе объяснить, – начала она, сев очень прямо и уставившись в пространство. – Я ездила к

адвокату посоветоваться о процедуре развода с твоим отцом. Ты, конечно, спросишь, почему я приняла это решение...

Полли поспешно замотала головой. Теперь она понимала, почему ей было так страшно, что ей расскажут про папу. Но Айви все равно рассказывала. Полли молча слушала и все ждала, что вот-вот почувствует себя польщенной маминым доверием. Она уговаривала себя, будто и вправду польщена, но на самом деле только заворожено следила за тем, как набухают и исчезают слезы в глазах Айви, не проливаясь и не стекая по лицу.

– Полли, ты знаешь его не хуже, чем я. Редж начисто лишен чувства реальности. Деньги текут у него сквозь пальцы. А стоит мне возразить, он только смеется и тратит еще больше денег на какой-нибудь подарок – хочет меня умаслить. Подарки! – горько воскликнула Айви. – Мне нужны не подарки, а отношения! Мне нужно счастье, общие интересы, а не когда два чужих человека живут в одном доме. А мы уже много лет живем именно так – словно два чужих человека в одном доме. Полли, твой отец страшно скрытный! Снаружи-то сплошные улыбки и смех, но стоит мне спросить, о чем он думает, он всегда отвечает: «Ах, Айви, ни о чем особенном» – и ни слова больше! Полли, так нельзя. Он не имеет права уходить в себя, а от меня отгораживаться!

Все это понемногу становилось похоже на обычный для Айви приступ недовольства. Полли уже давным-давно научилась их остерегаться. А когда подросла, то научилась

остерегаться их еще сильнее. Вот и на этот раз, как всегда, ей было ужасно обидно за папу. Она решила больше не чувствовать себя польщенной и вместо этого стала считать себя чуткой и сострадательной. Айви все говорила и говорила, а Полли невольно думала: папа ни капли не скрытный. Просто он считает, будто все и так понятно, если внимательно смотреть, что он делает и говорит. Это мама вечно уходит в себя за стену своей хандры.

– Да, я понимаю, у меня перепады настроения, – сказала Айви гораздо позже. – Еще бы, ведь меня постоянно отгаликуют! Вот у меня это так и проявляется. Я же понимаю: со мной не хотят иметь дело. Когда мы с Реджем только поженились, все было иначе. У нас были общие интересы. А теперь нет.

Полли слушала, по-прежнему стараясь быть чуткой, и внутренне дала себе зарок: «Я никогда-никогда не буду уходить в себя и отгораживаться». Посмотрев на часы, она очень удивилась: ей давно пора было в кровать, а Айви все говорила и говорила. К этому времени стало ясно: да, это действительно обычный для Айви приступ недовольства.

– Ну, ты же меня знаешь, я тружусь, будто черная рабыня, целыми днями навожу чистоту и уют, даже работу бросила, лишь бы все было идеально. Честное слово, мне кажется, за это он мог бы, по крайней мере, не топтать грязными ботинками по коврам, задвигать за собой ящики и иногда наводить порядок! Куда там. Стоит мне об этом сказать – а я не при-

дираюсь, Полли, – он смеется и говорит, мол, у меня опять хандра. И дарит подарки. А потом что? А потом он раз – и уходит от меня к этой своей Джоанне Рентон!

«Такого я еще не слышала, – вяло подумала Полли. – Значит, вот что папа натворил».

– Между прочим, Джоанна не первая, – продолжала Айви. – Только раньше я была душой и не следила, чем он занят.

– Он... он сейчас у Джоанны? – нарушила Полли свое долгое-долгое молчание.

– Да, – ответила Айви. Голос у нее был усталый. Она тоже посмотрела на часы. – Ой, как поздно! Полли, ты есть-то хочешь?

– Нет, – ответила чуткая и сострадательная Полли, хотя на самом деле сильно проголодалась. – К чаю было много всего.

– Хорошо, – кивнула Айви. – У меня сейчас нет сил думать о еде. Скорее в кровать, Полли. Когда выйдешь замуж, не повторяй моих ошибок.

– Я, наверное, никогда не выйду замуж, – сказала Полли, поднимаясь. – Лучше выучусь на супергероя.

Все равно мама ее не слушала.

5

*Вот этот путь, что вверх идет,
Тернист и тесен, прям и крут.
К добру и правде он ведет,
По нем немногие идут.*

Томас Рифмач

Папа вернулся через два дня. Полли пришла домой от Нины и была еще в прихожей, когда услышала, как он отпирает дверь своим ключом. Она бросилась обнимать папу. Папа поприветствовал ее обычным полувозгласом и широченной улыбкой – все как всегда. Полли почувствовала, что обнимающие ее руки еле заметно дрожат. Ей сразу вспомнилось, как дрожал под ее ладонями локоть мистера Линна, когда они пробирались по улице после укрощения коня.

Дрожь прекратилась, едва появилась Айви и встала на пороге гостиной, глядя на них с самым своим непреклонным видом. Полли почувствовала, как папины руки стали твердыми, он поднял голову и спросил:

– Айви, ты чего?

– Я была у адвоката, – ответила мама.

– Не может быть, – беспомощно сказал папа, а потом попытался прикрыть беспомощность улыбкой.

– Правильно-правильно, посмейся, – кивнула Айви. – Тебе все хиханьки да хаханьки. А я была у адвоката. И еще

рассказала обо всем Полли. Я была бы тебе благодарна, если бы ты отпустил ее и перестал переманивать на свою сторону. Иди сюда, Полли.

Папа крепче обхватил Полли и издал какой-то непонятный звук. Это был язвительный стон, и взбешенный вскрик, и рык – так рычишь перед тем, как кого-то стукнуть, и всхлип – так всхлипываешь, чтобы не заплакать, – и все одновременно.

– Переманивать на свою сторону? – проговорил папа. – Хорошенького она теперь обо мне мнения – из-за тебя!

И тут родители начали оглушительно орать друг на друга и при этом стали пихать и дергать Полли по прихожей то туда, то сюда. Первым ее дернул папа – он пытался сделать из Полли то ли щит, то ли заложницу, чтобы протолкнуться в гостиную мимо Айви. Однако Айви преградила ему путь куда бы то ни было, кроме прихожей, и обхватила дочь, защищая ее. Папа закричал, мол, мама, как всегда, делает из Полли оружие против него. Мама пихнула Полли обратно к папе. Так и болталась Полли взад-вперед по прихожей, от стыда внутри у нее все застыло и ей хотелось рассмеяться, несмотря на то, как они орал.

В разгар скандала хлопнула задняя дверь – никто, кроме Полли, этого не заметил. Там стояла бабушка, прямая, словно королева-мать, и окостенелая от гнева; все взоры сразу устремились на нее, хотя ростом она была всего на голову выше Полли.

– Полли отправится со мной, – отчеканила бабушка, – пока вы тут не прокричитесь. Я ни на чьей стороне, и мне все равно, на чем вы договоритесь, но, пока вы не договоритесь, Полли не вернется. Полли, собирай вещи.

Полли почувдалось, что папа вздохнул с облегчением. Айви сердито вскинулась:

– Редж, это ты позвал ее сюда, чтобы она всюду совала свой нос?

– Я ей позвонил и спросил, как дела! – возмутился папа. – И все!

– Ах ты... – начала Айви.

– А ну, рот закройте! – оборвала их бабушка.

Голос ее прогремел, словно ударили в жестяную коробку из-под печенья. – Редж всегда любил, чтобы другие делали за него грязную работу, – ты права, Айви, можешь быть довольна, – но он не просил меня приходить. Я же говорю: я пришла за Полли. Заберу ее и уйду. Но не раньше.

Бабушка, естественно, победила. Десять минут спустя они с Полли вышли за дверь с полной сумкой – бабушка печатала шаг, а Полли кралась на цыпочках.

– Знаю, знаю, – говорила бабушка. – Я не святая, Полли. Скоро сама поймешь.

Святая была бабушка или нет, неизвестно, но Полли показалось, что в ее доме, пахнущем печеньем, царил священный покой. Полли прожила у бабушки неделю и ходила отсюда в школу. Дорога от этого была длиннее, с Ниной Полли

виделась меньше, но дело того стоило. Полли сидела за столом в бабушкиной кухне и рисовала красками рождественские открытки для всех-всех-всех знакомых, в том числе для мистера Линна. Она нарисовала несколько больших картин, на которых Тан-Кул сражался с драконом и побеждал злого волшебника, а внизу, сбоку и довольно мелко, изобразила себя саму, одетую мальчиком. Пока она рисовала, бабушка бесшумно сновала по кухне и рассказывала Полли, что она вытворяла, когда была маленькая. Бабушка, по ее словам, была «скверной, дерзкой девчонкой». Ее шалости, по мнению Полли, были похлеще, чем вломиться на чужие похороны. Однако бабушка, к удивлению Полли, не стала рассказывать о том, что вытворял папа, когда был маленький, а раньше обычно рассказывала.

– Не хочу нарушать нейтралитет, – пояснила бабушка. – Я же сказала: я ни на чьей стороне. И вообще очень может быть, что это из-за меня твой папа вырос безобразно избалованным. С тобой я не повторю этой ошибки. А ну, быстро в постель, без разговоров!

Спала Полли в той же комнате, где ее когда-то поселили с Ниной. Над кроватью висел ее «Болиголов в огне». Полли лежала и смотрела на фотографию, а Трюфля мурлыкала, свернувшись на подушке у ее шеи. Трюфля тоже вкусно пахла, но не печеньем. Запах у нее был слабый, свежий, словно у детской присыпки. Полли гладила Трюфлю и разглядывала фигуры, проявлявшиеся в дыму на картине. Это и вправду

были четыре человека, которые бежали тушить пожар, пока не занялось все поле. Если Полли удавалось скосить глаза, она иногда видела и пятую фигурку, поменьше, – сбоку, за стеной огня. Она тешила себя мыслью, будто это она сама в обличье Геро. Если она и дальше смотрела на фотографию, сощуриив глаза, то становилось видно и китайского коня, который гарцевал в гуще дыма, вившегося вокруг четверых человек. А когда Полли вставала на колени и утыкалась носом в фотографию, конь и маленькая фигурка исчезали, но четыре человека были на фотографии всегда.

Некоторое время Полли думала о том, какие у Тан-Кула могут быть друзья. Когда ей надоело рисовать, она написала мистеру Линну письмо о них. Часть письма была про Вредину Лесли и Кошмарную Эдну, а еще несколько строк посвящались рассуждениям о том, как сражаться с драконами, однако самым главным были все-таки друзья.

У Тан-Кула трое друзей, тоже супергероев. Их зовут Тан-Аудель и его я не знаю, а еще Тан-Таре и Тан-Ганивар. Их я знаю. Тан-Таре веселый, он умеет делать музыку из ниоткуда и враги тогда устрашаюца.

С Тан-Ганиваром все печально: он всевремя во что-нибудь превращается и нехочет, чтобы про это знали. Он может случайно превратиться в волка или даже в дракона и его друзья очинь боятся убить его паашибке.

Через неделю бабушка доставила Полли домой – вместе с открытками, рисунками и письмом в новой папке. Похоже,

мама обрадовалась Полли. Обняла ее и даже поблагодарила бабушку. А папа уехал. Вместе с ним уехали стереосистема, кресло и множество мелочей по всему дому. Развод совершился.

– Совершился, – сказала Айви, когда Полли ее спросила.

Почему-то дома от этого тоже стало спокойно, совсем как у бабушки.

Потом у Полли было много дел – она участвовала в школьном рождественском представлении. Разослать открытки она не забыла, а вот письмо начисто вылетело у нее из головы. В конце концов, игра в героев была просто игрой, а школа – настоящей жизнью.

Посмотреть представление пришли и мама, и папа, но они не смотрели друг на друга и сели в противоположных концах зала. Полли даже не знала, что папа здесь, пока не вышла на сцену в роли младшего из трех волхвов. Про папу ей сказала Нина. Нина играла царя Ирода. Выяснилось, что напыщенные тирады, рык и царственный вид удаются ей гораздо лучше, чем любому мальчишке. По мнению мисс Грин, мальчишки на сцене выглядели совершенными баранами, хоть убейся, вот она и дала им роли пастухов – по очевидным причинам, как она сказала. Потому-то Нина и получила свою минуту славы в буйнокудрявой накладной бороде с усами, расхаживала по сцене, кричала и отправляла всех на казнь. Но глаза у нее так и бегали по залу и подмечали, чьи родители пришли, а чьи нет.

– Вон твой папа, – сказала она Полли уголком губ.

– Знаю! – шепнула Полли, заметно вздрогнув, потому что на самом деле она ничего не знала.

И стала дальше дарить царю Ироду золото.

– Вон! – крикнула Нина. – Я вам не царь царей! (Он ведь бросил твою маму, да?) А где он, я знаю не лучше вашего!

– Ваше величество, это не вы, а некий младенец, – отвечала Полли. – (Да! Замолчи). На востоке взошла звезда, и так мы узнали, что он родился.

– О, страшная весть! – провозгласил царь Ирод в зал. А потом повернулся к Полли и зашептал: – (Они разводятся, да?) А что еще поведала вам звезда? (Тот мальчишка, Себ, он ведь про это говорил?) Известно ли вам, где этот младенец?

Полли вздохнула и кивнула в ответ на первый вопрос. На второй помотала головой, а объяснять, что они следовали за звездой, должен был один из остальных волхвов, поэтому говорить она не могла. Этот разговор, подумала Полли, в точности похож на то, как подвиги Тан-Кула вплетаются в обычную жизнь. Надо было так и объяснить это мистери Линну, а она не додумалась. И еще ее охватила колючая злость на Нину – зачем та сует нос не в свое дело? – а от этого Полли сделалась вся каменная и холодная. И вдруг поняла, каково приходится Айви.

– Тогда послушайте меня! – объявила Нина, расхаживая кругами по сцене. – Я дам вам очень важное задание. – Она

медленно и торжественно зашла Полли за спину. – (Новая девушка твоего папы запрещает ему с тобой видеться, да?) Я хочу сам воздать почести царю царей. И приказываю вам доложить мне, как только его разыщете. (Наверное, это ужасно неприятно!)

Полли сжала губы и твердо решила не говорить ничего, кроме заученных реплик. Три волхва ушли за кулисы. Нина от души насладились монологом и тоже ушла. Она протолкалась сквозь толпу ангелов, ждавших своего выхода, и нашла Полли.

– Рассказывай, как это, когда папа не живет дома. Тот мальчишка – он что, частный сыщик?

– Нет, – ледяным голосом ответила Полли. – Мама говорит, после развода остаются шрамы на всю жизнь, – напирала Нина. – Ты чувствуешь, что уже никогда не будешь прежней?

– Я совершенно прежняя, и все тут! – громко сказала Полли.

Мисс Грин, которая прилаживала ангелам крылья, обернулась и шикнула на нее.

– Отойди от меня! – сказала Полли.

Папа ушел еще до конца представления.

– Как ты думаешь, зачем он приходил? – спросила Полли маму по дороге домой.

– Я ему велела, вот он и пришел, – ответила Айви. – Я сказала ему, что ты имеешь право на отцовское внимание.

– Ну и зря, – вздохнула Полли. Говорить о Нине ей не хотелось, и она пояснила: – Ему было скучно. Я видела – он зевал.

– А мне, думаешь, не было? – возмутилась Айви. – Не вижу причин страдать в одиночку. С тех пор как ты пошла в школу, в представлении не изменили ни словечка. А до этого я сама играла архангела Гавриила. По-моему, я сейчас взвою.

Это и была одна из неприятных странностей развода, о которых Полли не стала упоминать Нине: мама частенько говорила ей то, что в других обстоятельствах сказала бы папе. К тому же на самом деле папа никуда не ушел. Его не было рядом, но он постоянно маячил где-то на заднем плане. А Полли хотелось, чтобы он ушел раз и навсегда и все это кончилось.

На Рождество Полли поехала с мамой к тете Мод. Дом тети Мод был битком набит крошечными двоюродными братиками и сестричками – они неуклюже топали, ползали или лежали в кроватках и вопили. Поскольку они полюбили Полли всей душой, у нее не было времени заметить, что мамы целыми днями нет дома.

– Айви нужно отдохнуть и расслабиться, – сказала ей тетя Мод.

Мама была дома только рождественским утром, когда все смотрели подарки. Главным подарком Полли оказался кукольный домик от папы. Видимо, папа забыл, что у Полли

такой уже есть. Полли старалась держаться молодцом. На самом деле она мечтала о крепости с танками и пушками. Она улыбалась.

– Это я ему подсказала купить домик, – сообщила Айви, собирая обертки от подарков. – Надеюсь, он тебе понравился.

Полли улыбалась, пока у нее не заболели щеки, и с той же улыбкой она стала медленно разворачивать последний подарок. Получила от папы хоть что-то – и на том спасибо. Тетя Мод ей так и сказала. Полли не хотела оказаться неблагодарной.

Из свертка посыпались книжки в бумажных обложках. С ними выпала и неряшливо напечатанная записка:

Возможно, ты все это уже читала. Если да, смело все выбрасывай. В книжном магазине мне сказали, что это должен прочитать в детстве каждый нормальный человек. Счастливого Рождества.

Т. Г. Л.

Книги были от мистера Линна. Тут Полли улыбнулась по-настоящему. Она разобрала книжки. Единственной, о которой она слышала, был «Волшебник из страны Оз». Кроме нее, мистер Линн прислал еще одиннадцать. С минуту Полли не знала, что выбрать – «Пятеро детей и Оно» или «Искатели

сокровищ» Эдит Несбит, которые приглянулись ей необычайно завлекательным названием, а потом взяла первую попавшуюся: «Волки из Уиллоуби-Чейз» Джоан Айкен. И принялась читать. И читала все праздники – по большей части на четвереньках на полу, занавесив книгу волосами, но иногда, когда кто-нибудь из братиков или сестричек подползал и пытался отобрать книгу, утаскивала ее за диван и пряталась там в полутьме. Она даже телевизора не слышала. И только краем уха уловила, как Айви сказала:

– Когда Полли читает, говорить с ней бессмысленно. Она слепая и глухая. Редж ее вечно дергал. Оставь ее в покое.

Полли жадно читала, хватая следующую книгу, едва закрывала предыдущую. Прямо как наркоманка. Она проглотила «Шкатулку с чудесами» Джона Мейсфилда и «Льва, колдунью и платяной шкаф» Клайва Льюиса еще до возвращения домой и успела начать «Меч в камне» Теренса Х. Уайта. Остальное она прочитала за неделю, оставшуюся до школы. После чего вынырнула из мира фантазий – с покрасневшим лицом и глубоким вздохом. Пиршество кончилось.

– А я-то послала ему всего-навсего открытку! – завопила она.

Исправить это было несложно. У нее было наготове целое письмо – оно ждало, забытое, в папке с рисунками. Однако, когда Полли перечитала письмо, оно показалось ей сухим и устаревшим. Двенадцать прочитанных книг показали ей, как мало она в него вложила. И вообще ей хотелось сказать

гораздо больше. Поэтому она снова встала на четвереньки на пол, занавесившись волосами, и исписала еще целых три страницы: ее посетило вдохновение. Она рассказала мистери Линну про развод – он ведь тоже развелся с Лаурелью, и Полли не сомневалась, что он ее поймет, – и про Нину и царя Ирода. Потом пожаловалась на кукольный домик и поведала, как книги всё искупили. Пересказала все самые интересные места и велела мистеру Линну немедленно прочитать книгу «Сто один далматин» Доди Смит. В энтузиазме она окончательно позабыла самые важные правила орфографии:

Больше всего мне понравился «Дом Генриетты» Элизабет Гоудж. Там люди тоже совершают героические подвиги, только они придумали дом а в конце он становится настоящим. У них приключения впищерах, Тан-Кул тоже должен, это замечательно.

Я читала пока глаза у меня не стали как у Нины все розовые и опухшие. Пасибо, пасибо, пасибо! С любовью Полли.

Теперь письмо стало длинное-предлинное. Для него Полли пришлось стянуть у мамы большой конверт: нечего было и думать запихнуть сложенное послание в тот, который нашлся у самой Полли. Пухлое письмо она опустила в ящик, почти не таясь, когда в очередной раз ходила за жареной рыбой с картошкой. К этому времени она уже уверилась, что одурачила Себа, притворившись, будто дала слово не видеться с мистером Линном. Наверное, больше Себ не будет к ней

приставать. Отчасти Полли оказалась права. Себя и мистера Лероя она увидела очень не скоро.

Когда началась школа, Полли всерьез приступила к обучению на супергероя.

Это было нелегко и много раз приводило к неприятным историям. Первая история вышла с Ниной. Тирады и позы удавались Нине хорошо, но спортсменкой она была никудышной. Дыхание у нее кончалось после первого круга вокруг спортплощадки. Когда Нина узнала, что Полли вступила в школьный спортивный клуб, она ужаснулась.

– Это еще зачем? – воскликнула она. После рождественского представления Полли начала недолюбливать Нину.

– Мышцы тренировать, – холодно ответила она.

– А ну, брось, – заявила Нина, – а то не буду с тобой дружить!

– Пожалуйста. Не дружи, – сказала Полли. Это было восхитительное ощущение дикой свободы – сказать и отвернуться, оставив Нину стоять с разинутым ртом. Вместо Нины Полли подружилась с двумя девочками, которые хорошо бегали. Девять лет спустя Полли даже не могла вспомнить, как их звали. Зато прекрасно помнила, как злилась на собственные мышцы. Полли каждый вечер проверяла их – пыталась поднять кровать в воздух, оторвав от пола все четыре ножки одновременно, но получалось только три. А потом мама снизу кричала: «Что ты опять затеяла?»

И вообще, твердила себе Полли, сила для героя не глав-

ное. Герою нужны отвага, полезные умения и хороший расчет. Нужно что-то, от чего адреналин так и забурлит. Все это она усвоила из спортивных программ по телевизору. В то время Айви подолгу просиживала перед телевизором, уставясь в экран пустым взглядом. Полли волей-неволей насмотрелась всякого, что Айви, конечно, выключила бы, будь рядом папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.